

ОБЫДЕННЫЙ ДОЗОР

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО,
ЕВГЕНИЙ ЛУКИН, СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ,
ДМИТРИЙ СИЛЛОВ, ЛЕОНИД КАГАНОВ,
ВАСИЛИЙ ОРЕХОВ, ЮЛИЯ ЗОНИС
И ДРУГИЕ

Лучшая фантастика 2015

Александр Тюрин

**Обыденный Дозор. Лучшая
фантастика 2015 (сборник)**

«АСТ»

2014

Тюрин А. В.

Обыденный Дозор. Лучшая фантастика 2015 (сборник) /
А. В. Тюрин — «АСТ», 2014

Весь спектр современной российской фантастики: от космической оперы до фэнтези, от альтернативной истории до постапокалипсиса, от социальной фантастики до мистики, от признанных мастеров жанра до представителей молодого поколения, уже успевших громко заявить о себе. Все самое новое и интересное. Ну и, конечно, Дозор. Куда же без него!

© Тюрин А. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Евгений Лукин	6
Леонид Каганов	22
К.А. Терина	42
Дарья Зарубина	56
Сергей Лукьяненко	67
Пролог	67
Глава 1	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Составитель Андрей Сеницын
Обыденный Дозор.
Лучшая фантастика 2015

© А. Сеницын

© Коллектив авторов

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Евгений Лукин ОНИ ТЕБЯ ЗАЩИТЯТ

*Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!*

Игорь Северянин

– Ты! Прессованный! – хрипло сказали из темноты.

А он так надеялся благополучно миновать этот сгусток мрака у второго подъезда... Господи, взмолился он. Там же темно, там ничего не видно... Что тебе стоит, Господи! Помести туда двух миролюбивых алкашей... Сидят на лавочке, толкуют меж собой... и у кого-то из них кликуха Прессованный...

– Оглох?... Стоять!

Зря... Зря ты так, Господи...

Остановился. Заискивающе улыбнулся во мрак.

– Вы... мне?..

Омерзительный хриплый смешок, вылупившийся из тьмы, ничего доброго не сулил.

– Тебе-тебе...

Должно быть, там, во мраке, встали со скамьи и двинулись навстречу жертве, поскольку чернота у подъезда зашевелилась – и вдруг со звоном начала разбухать, поглощая поочередно семиэтажку, скудно освещенный двор, звездное небо над головой, а заодно и нравственный закон внутри обмякшего разом Никанора Вдовина.

«Может, оно и к лучшему... – беспомощно успел подумать он, оседая наземь. – Станут бить – ничего не почувствую...»

* * *

Будучи приведен в сознание, Никанор обнаружил, что сидит на скамье, что лампочка светит вовсю, а над ним склоняются два относительно молодых человека вполне интеллигентной наружности. Один держал руку на пульсе, другой внимательно смотрел в глаза.

– Вы в порядке?

– Да... – слабо отозвался потерпевший. – А где... эти...

– Какие?

– Понимаете... – сказал он. – На меня хотели напасть...

– Никто на вас не нападал, – хмуро ответил тот, что проверял наличие-отсутствие сердцебиения, и Никанор чуть не вздрогнул, услышав знакомую хрипотцу. – Вы позволите?

Молодой человек укрепил на запястье Никанора тоненько пискнувший браслет, достал плоский приборчик, включил.

– Однако! – подивился он. – Ничего себе реакция... Вы всегда такой нервный?

Возвращенный к жизни обиделся, снял браслет, вернул.

– Спасибо за помощь! – буркнул он и хотел встать.

– Погодите! – последовал приказ – и Вдовин замер, уразумев, что беды его еще не кончились.

Молодые люди коротко посоветались.

– Что скажешь? – обратился один к другому.

– Чуткий больно... – уклончиво отозвался тот. – Слишком хорошо – тоже нехорошо...
– На тебя не угодишь! – Хриплый спрятал аппаратуру и снова повернулся к Вдовину. – Тут за углом круглосуточное кафе. Вы не против, если мы зайдем туда и выпьем по чашечке кофе? Понимаете, у нас к вам деловое предложение...
«Сейчас похитят», – ахнуло внутри, и Никанор едва не потерял сознание вторично.

* * *

Не похитили. Действительно привели в кафе, однако сердчишко продолжало неистово колотиться. Было от чего. Расположились почему-то не в зальчике, а в чьем-то служебном кабинете, выглядевшем, следует сказать, довольно странно. Вместо плафона с невысокого потолка свешивался беспилотник с четырех пропеллерах, да и на письменном столе тоже громоздилась какая-то загадочная машинерия. Это в кафе-то!

Пришла снулая девица с подносом, освободила от бумаг стеклянный журнальный столик, расставила чашки, вышла. Хриплоголосый (назвавшийся, кстати, Александром) поднялся и прикрыл за ней дверь поплотнее.

Стало совсем не по себе.

– Да вы пейте, пейте...

Может, отравить хотят? Нетвердой рукой Вдовин взял чашку с блюдца, поднес к губам. Вроде капучино как капучино, среднего достоинства, никаких подозрительных привкусов.

– Часто вообще привязываются? – услышал он сочувственный вопрос.

– Вот... в прошлом месяце...

– Ив позапрошлом тоже... – как бы про себя добавил Александр. – А что, если мы обеспечим вам охрану, Никанор Матвеевич?

Вдовин заморгал.

– На какие шиши? – вырвалось у него.

– На казенные, – невозмутимо прозвучало в ответ. – И позвольте перед вами извиниться. Честное слово, мы не думали, что дело дойдет до обморока... Просто решили подстраховаться, проверить, тот ли вы человек, который нам нужен...

Господи, да уж не вербуют ли?

– Вам? – отважился переспросить Никанор. – Кому это – вам?

Александр замялся:

– Знаете, мне бы не хотелось упоминать конкретные имена и названия организаций... Раскручивается проект. Солидный проект, круто проплаченный... Введи в курс, Виталий.

Сухопарый Виталий отставил чашку и возвел глаза к потолку.

– Некая зарубежная фирма, – нарочито занудливо начал он, – разработала электронную систему индивидуальной защиты граждан от уличного криминала. Систему необходимо испытать в городских условиях. Требуется доброволец. Собственно... всё.

– Нет, не всё, – сердито поправил Александр. – Испытателю причитается денежное вознаграждение. Ежемесячно. Не ахти какое, но тем не менее...

– И вы хотите... чтобы я...

– Да, Никанор Матвеевич. Именно этого мы и хотим.

Вдовин был удивлен, обрадован и, пожалуй, польщен. Потом насторожился вновь.

– А-а... что от меня...

– Ничего. Живите как жили. Просто теперь вы будете под защитой.

– А-а... каким образом...

– Значит, как работает система, – сказал сухопарый Виталий. – На запястье вам надевают браслет. С виду часы и часы... Ну, тот самый, что мы уже вам примеряли. Противоударный,

водонепроницаемый. Можете в нем купаться, нырять, кувыркаться... Правда, сами вы снять его уже не сможете...

– Вообще? – испугался Вдовин.

– Пока не будет расторгнут контракт, – уточнил Виталий. – Вот, допустим, выходите вы из дому. Браслет тут же дает об этом знать – и над районом взлетает беспилотник. Ваш телохранитель. Или, если хотите, ангел-хранитель...

Вдовин опасливо покосился на то, что свисало с потолка.

– Нет, не этот. Это вообще макет... Короче, каждый ваш шаг отслеживается сверху. Данные поступают в компьютер, программа оценивает ситуацию...

– А браслет?

– А браслет считывает и передает наверх данные о вашем самочувствии. Вот вы попали в переделку. Учащается пульс, прыгает уровень адреналина... Ну и система срабатывает.

– Как... срабатывает? – еле выговорил Вдовин.

Виталий достал и предъявил блестящий стерженек. Нечто вроде короткой тупой иглы-хомутовки, только без ушка.

– Браслет дает команду беспилотнику, и тот выпускает с воздуха по вашему обидчику такую вот штуковину.

– И?!

– Что «и»? Нападающий нейтрализован.

– А если промахнется?

– М-м... – Виталий озадачился. – Вообще-то промах маловероятен. Видите ли, поначалу это была чисто военная разработка – испытана в Пакистане, так что...

– Ну а вдруг!

– Наверное, выстрелит еще раз. Боезапас у него порядочный. Но вы-то в любом случае ничего не теряете! Ну, не сработало там что-то, ну, промахнулся, ну, начистили вам, я извиняюсь, рыло... Вам бы его так и так начистили. А тут хоть небольшая, а зарплата! Опять же больничный...

– А если в подъезде нападут? – охваченный беспокойством, спросил Вдовин.

Виталий посмотрел на Александра. Тот развел руками.

– Вы слишком многого от нас хотите, Никанор Матвеевич, – с упреком молвил он. – Система предназначена исключительно для уличных разборок. В замкнутых помещениях вы уж как-нибудь сами себя поберегите...

– А вот еще... – Вдовин запнулся. – Вы сказали: на казенные... А фирма-то, наверное, частная...

– Частная, – согласился тот. – Но богатая. Так что муниципалитет наш, считайте, куплен на корню, препятствий чинить не будет... Вас что-то еще смущает? Спрашивайте-спрашивайте, не стесняйтесь...

Смущало ли Никанора Матвеевича что-нибудь еще? Да, смущало, причем настолько сильно, что пришлось перед тем, как задать вопрос, прочистить горло глотком остывшего кофе.

– А что же они там... у себя, на Западе... – выдавил он. – Почему сами все не испытали? Почему у нас?

После этих его слов Александр насупился, крикнул. Встал, подошел к беспилотнику, с недовольным видом поправил один из четырех пропеллеров, помолчал.

– Суки они там, на Западе, – не оборачиваясь бросил он в сердцах. – На своих-то испытывать – хлопот не оберешься, а на наших – чего ж не испытать?

* * *

То, что Никанора Матвеевича хотели когда-то представить к медали «За отвагу», возможно, прозвучит анекдотически. Тем не менее это чистая правда. Произошло возгорание на складе боеприпасов, кинулись все врассыпную – и угораздило рядового Вдовина набежать прямоком на страшного капитана Громыко.

– Куда?! – рывкнул капитан. – Тушить! Бя-гом!..

Рядовой ужаснулся, бросился на склад и, самое удивительное, потушил. Потом, правда, сообразили, что огласка никому добра не принесет, и сделали вид, будто никакого возгорания не было вообще. А так бы ходил с медалью...

Любопытно, что, вернувшись к мирной жизни, Никанор Матвеевич никогда об этом не рассказывал. Во-первых, сам героический поступок в памяти не оттиснулся – всё заслонила ощеренная пасть капитана. А во-вторых, после душераздирающих подробностей, которыми знакомые Вдовина оснащали свои устные мемуары о Чечне и Афгане, деяние его как-то блекло, съезживалось, и упоминать о нем становилось просто неловко.

Разумеется, Никанору Матвеевичу в голову не приходило, что знакомые сильно приукрашивают свое участие в исторических событиях и что подвиги их если и были совершены, то еще с большего перепугу.

А с другой стороны, как иначе? Страх страхом вышибают. На том стояла и стоять будет земля Русская...

Вернемся, однако, к прерванному повествованию.

* * *

Калерия Павловна лежала на свежеевыметенном утреннем асфальте в странной позе, подогнув ногу и чуть разведя ладони, словно пыталась присесть в реверансе, но в последний момент была опрокинута навзничь. К месту происшествия сбегался народ.

– Чего пялишься? – вопила бабушка из третьего подъезда. – Телефон у тебя есть? В «Скорую» звони давай!

– Нету... – силло признался Вдовин. – Дома оставил...

– Да что ж это за мужчины пошли такие! – Вне себя пенсионерка выхватила из кармана халатика свой собственный сотик. – Ну так помоги иди! Довел женщину до инфаркта – и хоть бы хны ему...

К счастью, обошлись и без Вдовина. Обездвиженную дворовую активистку подняли под мышки с асфальта и перенесли на лавочку. Пользуясь тем, что никто на него не смотрит, Никанор Матвеевич наклонился и украдкой извлек из-под правой своей подошвы блестящий металлический стерженек, похожий на короткую тупую иглу-хомутовку. Потом выпрямился и боязливо вознес глаза к утреннему ясному небу, где подобно коршуну над птичьим двором плавало в вышине темное пятнышко беспилотника.

Зачем-то отряхивая ладони, со стороны скамейки приблизился Сергуня из тридцать восьмой квартиры. Глаза у него были круглые, физия – восторженная. Заметив, что сосед стоит с запрокинутой головой, понимающе покивал.

– Во-во! – подтвердил он злорадным полусшепотом. – От Боженьки не укроешься. Дооралась горластая...

Кажется, истинных причин происшествия никто не заподозрил: заслуженная кара пала с небес совершенно бесшумно – ни свиста, ни грохота, ни треска электрического разряда, лишь отскочивший от активистки стерженек об асфальт звякнул.

Как вовремя догадался Никанор на него наступить!

«Скорая» прибыла на диво быстро, и все же Александр с Виталием ее опередили. Не на шутку встревоженные кураторы выскочили из машины, кинулись к Вдовину.

– Кого?

– Вон... ее... – Никанор Матвеевич указал робкими глазами на толпу у скамейки.

Виталий сходил посмотрел. Вернулся задумчивый.

– Жива хоть? – угрюмо спросил его Александр.

– Да шевелится вроде, – процедил тот. Закурил, обернулся к Вдовину: – Как все вышло-то?

– За электричество не так заплатил... – покался бледный Никанор.

– Как не так?

– По счетчику. Надо было семь цифр считать, а я – шесть. А она набросилась, раскричалась... Я испугался... А он... – И Вдовин вновь взглянул с упреком на блуждающий в вышине беспилотник.

Александр тихонько выругался. Виталий хмыкнул.

– Весело... – оценил он случившееся. – Слушайте, Никанор Матвеевич, я понимаю, вы, конечно, человек с тонкой нервной организацией, но... все-таки старайтесь держать себя в руках. А ну как в следующий раз участкового испугаетесь!

– Вот черт! – сдавленно сказал Александр. – Этак он нам вместо криминалитета всех официальных лиц перещелкает...

– Можно подумать, велика разница! – съязвил Виталий.

К тому времени во двор въехала «Скорая» – и молодые люди, прервав разговор, двинулись ей навстречу.

– И что теперь?... – дрогнувшим голосом окликнул их Вдовин. Стерженек он по-прежнему судорожно сжимал в кулаке.

– Постараемся уладить, – бросил через плечо Александр. – А может, и само уладится...

* * *

Уладилось само. Списали на сердечную недостаточность.

А Виталий, кстати, как в воду глядел: следующим утром раздался звонок в дверь, и на пороге Вдовина возник юноша в одеждах правозащитного цвета. Крупные заячьи зубы юноши были обнажены в старательной приветственной улыбке.

– Здравствуйте, Никанор Матвеевич, – сказал он, преданно уставясь на владельца квартиры. – А я ваш новый участковый... Вот знакомлюсь с жильцами... Это моя обязанность... Служебный долг, так сказать...

Испугаться его было невозможно в принципе, да и, кроме того, охранная система, по словам Александра, предназначалась исключительно для уличных разборок и в замкнутом помещении просто бы не сработала. Даже если беспилотник примет сигнал бедствия, стерженьком стенку не прошьешь.

Непривычный к куртуазности властей Вдовин впустил служителя закона в дом, усадил в кресло.

– Какие-нибудь претензии, пожелания... – стрепетом осведомился тот.

Застигнутый врасплох Никанор Матвеевич наморщил лоб, помычал, но так ничего и не придумал.

– Н-нет, спасибо... Все замечательно...

Улыбка пошла на убыль.

– Ну а вот... утром вчера...

– Вы... про Калерию Павловну?

– Да не обращайтесь вы на нее внимания! – с жаром взмолился юный блюститель порядка. – Вздорная баба, что спросишь! Выйдет из больницы – обязательно примем меры...

– Да нет... зачем же... – окончательно сбитый с толку, пробормотал Никанор Матвеевич. – Я не в обиде... Тем более сердечная недостаточность у нее...

– Ну, хорошо... – малость успокоившись, продолжил гость. – А вот, скажем, Корявый... и вся эта его шатия... Не беспокоят? Я имею в виду: в последнее время...

– А кто это Корявый?

Участковый недоверчиво посмотрел на Вдовина.

– Фанат, – пояснил он. – Футбольный фанат...

И тот вспомнил. Действительно, месяца полтора назад на подходе к дому его остановили какие-то полуголые личности в шарфах. Ущерба здоровью, правда, не причинили, однако заставили крикнуть «“Ротор” – чемпион!», причем несколько раз, пока не достиг должной громкости.

– Нет... Нет-нет... Не беспокоят...

– Если что – обращайтесь... Хоть ночью, хоть днем! Тут же примем меры... Часики у вас стильные, – подобострастно добавил он, кивнув на браслет.

Проводив гостя и замкнув за ним дверь, Никанор Матвеевич задумался. При всей своей наивности он ясно видел, что визит нанесен неспроста. Обычно участковые ведут себя не так. Да и этот прощальный намек насчет часиков... Одно из двух: либо юный страж закона сам догадался о чем-то, либо какие-то распоряжения поступили свыше.

* * *

Случись кому в те дни посетить недавно открывшийся супермаркет и повнимательнее приглядеться к молчаливым служителям в зеленых жилетах, он бы наверняка заметил с удивлением, что лица у всех слегка надменные, а то и оскорбленные. Униженное достоинство сквозило в каждом жесте тружеников торговли.

Дело в том, что в городе грянули сокращения, а поскольку высокий процент безработицы причинял властям душевную боль, уволенных распахивали куда попало. Вот и довелось некоторым бывшим клеркам напялить зеленую робу с клеймом на спине и ламинированной картонкой напротив сердца.

Числился среди них и некий Никанор Матвеевич Вдовин.

Пастырь добрый, он расхаживал вдоль ряда касс и, найдя заблудшую тележку для покупок, возвращал ее в общее стадо. Произведя соитие хромированных конструкций воедино, катил получившуюся вереницу ко входу в торговый зал, причем следует заметить, что глаза Никанора Матвеевича, не в пример прочим, явно содержали при этом какую-то вполне конкретную мысль, а не просто скорбь. Вот уже второй день подряд.

Вчера он получил аванс за участие в проекте, и оказался этот аванс вдвое больше его нынешней зарплаты. Возник вполне естественный соблазн послать все к чертовой матери и настроичить заявление по собственному желанию. Слава богу, хватило ума сообразить, что проект не вечен: испытают систему, поблагодарят – и снова ищи работу...

Да, но ведь ее, как ни крути, придется искать в любом случае.

Если честно, не нравилось Вдовину в супермаркете. Особенно удручал напарник – дебильный отпрыск главного бухгалтера, возмечтавший стать охранником. От катания тележек великовозрастный оболтус злобно уклонялся: если и катал, то с таким видом, будто просто решил помочь – по доброте душевной. В основном же ходил и всех подозревал. Раздобыл где-то испорченную рацию и время от времени сообщал в нее шпионским придушенным голосом:

– Первый, первый... Я – второй... Все спокойно?..

Но главное – стучал. Как и подобает охраннику. А стукнуть на него в ответ означало поспорить с главным бухгалтером и, возможно, вылететь птичкой из списка сотрудников.

Казалось бы, что толку обижаться на дефективного! Однако ведь и на комара бессмысленно обижаться, а достанет – взвоешь...

Погрузившись в раздумья, Вдовин достиг стеклянных дверей и углядел брошенную снаружи тележку – стояла сиротка в десятке шагов от входа и дробно сияла на солнце. Вообще-то собирать каталки, брошенные вне супермаркета, в обязанности Никанора Матвеевича не входило, но ведь накалится – в таком-то пекле...

Добрый пастырь вышел сквозь расступившиеся двери на солнцепек и направился к неприкаянному транспортному средству. Взялся за горячую пластиковую ручку – и вдруг осознал, что, покинув замкнутое помещение, он невзначай очутился под охраной. Действительно, вскоре в слепящем зените возник темный абрис четырехвинтового ангела-хранителя. А мгновение спустя стеклянные двери вновь разошлись – и глазам Вдовина предстал его слабоумный напарник с прижатой к правому уху рацией. Докладывал небось воображаемому шефу, что Никанор Матвеевич Вдовин опять превысил служебные полномочия.

А потом еще и начальству наябедничает...

Вот поганец! Вдовина затрясло. Пульс участился, уровень адреналина в крови, надо полагать, подпрыгнул, и Никанор Матвеевич вскинул глаза. Беспилотник снизился уже настолько, что, казалось, было видно, как расходятся сегменты на его брюшке, предъявляя набор металлических жал. Сейчас жахнет... Ну?!

Но тут что-то дрогнуло в мужественном (кроме шуток, мужественном) лице рослого недоумка – и он поспешно отшагнул назад. Стеклянные двери супермаркета сомкнулись.

Надо же! Дебил-дебил, а что-то, видать, почуял...

– Твое счастье... – презрительно процедил Вдовин – и вдруг похолодел на солнцепеке, осознав, что секунду назад искренне желал кому-то удара, боли, чуть ли не смерти. Да что там желал – он радовался, он предвкушал то, что должно было случиться!

Стало нестерпимо стыдно.

«Да что ж мы за народ такой... – мысленно взвыл Никанор Матвеевич, перекладывая вину, как это у нас принято, на всю людскую громаду. – Ну, уволили тебя, ну, запихнули в подсобные рабочие... унизили, оскорбили... Ну так и ненавись того, кто унизил... А ты – кого?!»

Резко выдохнул и покатыл тележку в супермаркет.

* * *

Дома его ожидало еще одно огорчение – заело замок. Вдовин вынул ключ из прорези, недоверчиво осмотрел бородку, попытался открыть еще раз. Безрезультатно.

В прихожей стукнуло, брякнуло – и дверь отворилась сама. В проеме стояла Марьяна.

– Не вижу радости, – сказала она. – Чего уставился? Дочь вернулась.

Никанор Матвеевич спрятал ключ и приветствовал наследницу улыбкой паралитика.

– Здравствуй, Марьяночка... – вымолвил он. – В гости или как?

– Или как, – последовал ответ. – Ты заходи, не стесняйся...

Плотная, смуглая, широкоскулая – вылитая мать. Впрочем, Никанор Матвеевич застал еще времена, когда такие тяжеловатые лица считались чуть ли не образцом женской красоты. Особенно в провинции.

Жениться его угораздило на окультуренной бессарабской цыганке. Страшный, если вдуматься, случай. Суровые законы табора забыты напрочь, а норов-то строптивый по-прежнему кнута требует! Замучила ревностью, потом оставила совместно нажитую дочь ошарашенному

супругу и ушла к другому. А там и другого бросила, но уже с двумя дочерьми. Теперь, говорят, замужем за третьим.

– Только я не одна, – честно предупредила Марьяна.

– С Костиком? – не поверил Вдовин.

Действительно, странно. Родители Костика купили молодым отдельную квартиру. Ссориться вроде бы не с кем, разве что друг с другом. А если оба заявили вместе...

– Ага, с Костиком! – огрызнулась она. – Пойдем познакомлю...

– Постой! Так ты развелась, что ли?

Махнула рукой.

– Успеется!

И они прошли на кухню, где за шатким столом восседал широченный детина с лицом убийцы. Дорогой спортивный костюм, кожаные шлепанцы из бутика – словом, одет по-домашнему. Возле правого локтя, хозяйски утвержденного на скатерке, непочатая бутылка «Хеннесси».

– Это Фёдор, – объявила Марьяна. – Да ты не волнуйся, все в порядке. Он уже два месяца как освобожден.

Вдовин окоченел.

– Значит, так, – веско изрек два месяца как освобожденный Фёдор. – Если ты ее при мне хоть пальцем тронешь – пеняй на себя. Уразумел?

Естественно, что не уразумел. В полной растерянности Никанор Матвеевич взглянул на дочь. Та прикинулась, будто ничего не слышала, с беззаботным видом отвернулась к настенному шкафчику, открыла, достала рюмки.

Сколько ж она успела наврать о родном отце нынешнему своему сожителю! «Хоть пальцем тронешь...» Деспота нашла!

И удивительная мысль поразила вдруг Никанора Матвеевича: а ведь самое гиблое место для него теперь, выходит, собственная квартира! На улице и только на улице будет он отныне чувствовать себя в безопасности...

* * *

Миновав очередной фонарь, Вдовин вновь увидел свою тень. Сначала она путалась под ногами, темная, плотная, потом вытянулась, побледнела, стала прозрачной и принялась вышагивать впереди по ночным асфальтам, долговязая, мелкоголовая, как в юности. За истекшие пятьдесят без малого лет ничуть не постарела и, казалось, принадлежит подростку.

Да и сам Никанор Матвеевич, если смотреть со спины, вполне мог сойти за представителя молодежи: живота не наел, в талии не раздался. Не исключено, что именно это обстоятельство и было причиной многочисленных недоразумений – уличные отморозки принимали его издали за ровесника, да и начальство не слишком с ним церемонилось.

Маленькая собачка – до старости щенок.

Хотя справедливости ради следует заметить, что в молодости коротышкой Вдовин не считался – народ в те времена был помельче... Вот и плохо, что не считался! Ущемленное самолюбие коротышек – двигатель мощный: кого в олигархи выведет, кого в президенты, а кого и вовсе в императоры...

Никанор Матвеевич взглянул на табло браслета. Час ноль восемь. Пожалуй, пора возвращаться домой – Марьяна с Фёдором наверняка уже улеглись...

– Ай, часики... – гортанно восхитились неподалеку.

Обмер, взглянул. Дорогу Вдовину перекрывало лицо сильно экзотической национальности.

– Подари, да? – то ли пошутило, то ли не пошутило оно.

Пульс зашкалило.

* * *

Первым делом бросился к поверженному: дышит, нет? Вроде дышит... Ну и что теперь делать? Огляделся. Безлюдная ночная улица шевелила черными тучами акаций. Ах да, «Скорую» вызвать! Полез в карман за сотиком – нету. Надо полагать, опять дома забыл. К счастью, вспомнилось, что буквально в двух шагах располагается круглосуточное кафе – то самое, где пару дней назад его вербовали Александр с Виталием. Ринулся туда, потом спохватился, вернулся и почти уже заученным движением подобрал с асфальта стрелянный стерженек. На всякий случай.

В кафе его узнали.

– Вы, наверное, к Александру Филипповичу?.. – догадалась официантка. – Пойдемте, я проведу...

За дверью кабинета похрипывал знакомый голос:

– То есть как это никого? Может, врачи?.. Ах, еще не приехали... Ну, значит, сам ушел... Как-как! Ногами...

Вдовин не без робости переступил порог и вновь очутился в служебном помещении, где с натяжного потолка свисал макет беспилотника. Сам Александр Филиппович сидел на свободном краешке письменного стола, поигрывая сотовым телефоном. Только что, видать, отключился.

– А вот и вы! – весело приветствовал он Вдовина, ничуть не удивившись его появлению. Хотя среди прочей оргтехники там на столе был раскрыт огромный, как фолиант, ноутбук, куда, надо полагать, поступала с беспилотника вся информация о перемещениях и контактах подопытного. – Чем порадуете, Никанор Матвеевич?

Тот сбивчиво объяснил, в чем дело.

– Все в порядке, – заверил Александр. – Никуда звонить не надо. Ни сейчас, ни потом. Сигнал принят, уже выехали...

– Кто?

– И полиция, и «Скорая»... Мы с ними вчера поделились, так что они в курсе...

В каком смысле поделились? Информацией или...

– Что было, тем и поделились, – угадав мысли посетителя, сказал Александр. – Даже аппаратурой... На кого нарвались-то?

Вдовин затосковал.

– Да вроде мигрант какой-то...

– А... мигрант... – несколько разочарованно отозвался Александр. – Что ж, меньше хлопот... Попытка ограбления?

– Не знаю... – горестно вымолвил Никанор Матвеевич. – Я вот думаю теперь... Может, он просто поговорить подошел, а я...

– Во втором часу ночи? Не самое удачное время для разговора. Да и место, согласитесь, тоже... Вы только из-за этого, или еще какие-то вопросы возникли?

– Возникли, – сказал внезапно осмелевший Вдовин. – Почему вы в кафе сидите?

– А где я должен сидеть?

– Н-ну... – Вдовин опешил.

Александр рассмеялся, спрятал телефон.

– А поддержим-ка традицию, Никанор Матвеевич, – предложил он. – Что, если по кофейку, а?

И они переместились за стеклянный журнальный столик.

– Значит, интересуетесь, почему в кафе... – задумчиво молвил Александр, пододвигая Вдовину одну из чашек, принесенных все той же снулой девицей. – Как я уже говорил, муниципалитет наш куплен с потрохами, но при этом хочет остаться чистеньким. А кафе принадлежит моему родственнику... Как видите, все просто.

– И полиция, вы говорите, в курсе... А участковый?

– И участковый предупрежден.

– Не проболтается?

– Да хоть бы и проболтался!.. Что вас еще беспокоит?

Никанор Матвеевич осунулся, помолчал.

– Скажите... Вы именно меня выбрали, потому что...

– Нет, – решительно прервал его Александр. – Вы несколько не трусливее других. Вы даже, если хотите, храбрее. Все хорохорятся, строят из себя смельчаков, а вот честно признать себя трусом... На это, знаете, отвага нужна!

– Как же храбрее... В обморок-то вон...

– Между прочим, в той ситуации – единственно верный поступок. Букашек в детстве ловили? Видели, как они в случае опасности мертвыми прикидываются? Инстинкты – великое дело, Никанор Матвеевич...

– И все-таки – почему?

Александр вздохнул, покосился насмешливо.

– Закопослушный вы, Никанор Матвеевич, – то ли похвалил, то ли посетовал он. – На таких, как вы, мир держится. Вы пустую улицу на красный свет не перейдете...

Вдовин оскорбился.

– Ну почему же... – возразил он. – Переходил, и не раз...

– Два раза, – согласился Александр. – А теперь представьте на секунду, что под охрану взяли... ну, скажем, эту вашу Калерию... как ее?..

Никанор Матвеевич представил – и содрогнулся.

– Геноцид, – подтвердил Александр. – Все бы неотложки с колес послетали... Оно нам надо?

Вдовин ссутулился над чашкой, шевельнул ложечку.

– С ним все благополучно? – глуховато спросил он.

– С кем?

– С мигрантом...

– Вас это так заботит?

– Да.

– Очнулся до приезда «воронка» и скорее всего дал деру, – сообщил Александр. – Видимо, придется усилить заряд...

– Заряд? – всполошился Вдовин.

– Ну да, заряд. Скажем, стрелять дуплетом, двумя стерженьками сразу. А то полиция обижается: приехали, а забирать некого...

– Да, но... ведь это, наверное, может повредить здоровью...

– А нарушение закона вообще вредит здоровью... В ряде случаев.

Никанор Матвеевич помолчал, решаясь.

– Может, другого найдете? – выдавил он наконец.

Измученно глядя на подопытного, Александр медленно вернул чашку на блюдце.

– Не понял... – с искренним любопытством выговорил он. – Вы хотите разорвать контракт?

– Понимаете, – беспомощно сказал Вдовин. – Мне все время кажется, что это я сам их... своими руками...

– Да-а... – с уважением протянул Александр, откидываясь на спинку стула. – Вас в Красную Книгу заносить надо, Никанор Матвеевич! Я думал, таких уже не осталось...

* * *

Одно из двух: либо избегать людей, что невозможно, либо...

Либо перестать их бояться, что тоже невозможно. По телевизору вон передали: девяностые возвращаются, опять стрельба, опять разгул преступности... Буржуи пируют, народ злобствует...

– Матвееч... – нежно позвали из мрака (лампочка над подъездом почему-то опять не горела). Остановился, озабоченно прислушался к собственным ощущениям. Сердцебиение, понятно, слегка участилось, но не более того. Все-таки незримое присутствие беспилотника над головой вселяло какую-никакую, а уверенность.

Тем временем из темноты выступили четыре смущенных орясины с одинаковыми клубными шарфами на склоненных шеях. Не решаясь приблизиться к Вдовину, стояли и кривовато улыбались ему издали.

– Матвееч... – умильно повторил тот, что постарше и по-кряжистей. – Ты на нас, говорят, обижаешься... Мы ж не со зла, Матвееч! Вот извиниться пришли, если что не так...

А участковый-то и впрямь болтун.

* * *

Слухи о том, что с Никанором Матвеевичем лучше не связываться, вскоре достигли и домочадцев. В Фёдоре внезапно пробудилась сыновья почтительность, да и Марьяна засуетилась, не зная уже, чем угодить. Подарила майку с девичьей мордашкой на груди и английской надписью на пузе. Избранника своего расхваливала как могла.

– Ты не думай... – щебетала она. – Он не по бакланке, он на себя чужую вину принял – за авторитета срок отбывал... Его теперь знаешь как уважают!..

Любопытная личность был этот Фёдор. Ни за что не подумаешь, что человек явился прямиком из мест не столь отдаленных: ни татуировки, ни мата, ни жаргонных словечек... Завязалась привычка посидеть вечером на кухне за рюмочкой «Хеннесси». Беседовали на равных.

– Значит, говоришь, батя, – задумчиво гудел кандидат в зятя, – двумя теперь стерженьками отстреливать будут?

– Двумя...

Никакой государственной тайны Вдовин не разглашал. Причастность городских властей к проекту – вот единственное, о чем Александр с Виталием категорически запретили упоминать.

А то бы сам никто не догадался!

– Ну, вот испытают... – мыслил вслух Фёдор. – А в продажу когда?

– Что в продажу? – оторопело переспросил Вдовин.

– Ну... это... – И будущий зять указал сперва на браслет, затем на потолок кухни.

У Никанора Матвеевича остановились глаза – он представил себе небо, черное от роящихся беспилотников. Пришлось даже тряхнуть головой, чтобы видение распалось.

– Да никогда, наверное... – с запинкой предположил он. – Мы ж не для себя, мы для заграницы испытываем...

Нахмурился Фёдор, посопел.

– Ну, ясно... – сказал он. – А вот, скажем, дача у тебя... Он что, за тобой и на дачу полетит?

– Смотря где дача... Если недалеко от города, может, и полетит...

– Слушай, батя! А возьми завтра отгул. На природу съездим, с хорошими людьми познакомлю...

Произнесено это было спроста, добродушно, и все же внезапное предложение показалось Никанору Матвеевичу крайне подозрительным. Ох, что-то затевает зятек... Не дай бог завезет подальше, куда беспилотник не достанет... да и пришибет, глядишь...

Надо бы с Александром посоветоваться.

* * *

– Езжайте, – сказал Александр. – Вообще расширяйте территорию присутствия. Не ограничивайтесь своим районом. Во дворе вас теперь наверняка либо за версту обходят, либо в друганы набиваются. Да и шеф ворчит: вон уже сколько времени прошло, а всего два выстрела! Один по домохозяйке, другой по мигранту. Смехота...

– А если далеко заедем...

– Не заедете. Увидим, что удаляетесь от города, – оповестим гаишников: тормознут, вернут... Еще и оштрафуют.

– А вдруг не за что?

– Ну как это не за что! Найдется...

Вдовин взял отгул, принарядился. Подаренная Марьяной маечка пришлась впору.

Хорошие люди прибыли на двух джипах: крупные ребята с суровыми упитанными лицами. Неговорливые, обходительные, дорого и скромно одетые. И опять-таки ни татуировки ни на ком. Вот ведь времена пошли! Криминалитету особые приметы ни к чему, зато чертова прорва добропорядочных граждан щеголяет в татушках. Скоро встретишь этак кого без наколки и подумаешь: да уж не с зоны ли?

Лагерной фени в их речи также не слышалось. Пока ехали по городу, один лишь раз проскользнуло раздумчиво, с ленцой:

– Не, братва, блокироваться надо с креативными людьми...

И все.

Никанор Матвеевич почти уже освоился в новой для него компании: сидел молчал. Тем более что с разговорами к нему и не лезли.

Замелькали окраины. Хороший человек, восседавший рядом с водителем, опустил стекло, выглянул.

– Висит, – сообщил он. – Как приклеенный.

И одобрительно покосился на Вдовина.

В виду, надо полагать, имелся беспилотник.

На втором километре джипы свернули с трассы на грунтовку и въехали в рощицу, разваленную надвое обширной поляной. Судя по всему, прибыли. Так оно и оказалось. Покинув салон, Никанор Матвеевич первым делом взглянул вверх, убедился, что винтокрылый на страже (висит, как приклеенный), и лишь после этого обозрел окрестности. А обозревши, моргнул. Возникло ощущение зеркальности: в противоположном конце поляны стояли два точно таких же джипа, и из них выгружались точно такие же люди.

– Вовремя, – оценил Фёдор. – Ну что, батя? Пойдем поздороваемся...

И дружески подтолкнул в спину.

Приблизились.

– Здравствуйте... – испытывая неловкость, одиноко произнес Никанор Матвеевич.

На него смотрели будто бы в оцепенении – причем не столько в лицо, сколько на маечку с девичьей мордашкой на груди. Наконец громадный, волоокый, тот, что стоял впереди всех, туповато спросил:

– Ты кто?

– Э-э... Вдовин... Никанор... э-э...

– Я не понял, – с неподдельным недоумением объявил волоокий. – Кто будет говорить? Ты?

Никанор Матвеевич догадался обернуться.

Хорошие люди, с которыми он прибыл на поляну (Фёдор в их числе), приотстав, стояли поодаль и с нездоровым интересом наблюдали за развитием событий.

– Я не понял!!! – теперь уже гневно громынул волоокий. – Что задела?!

«Да это ж меня на разборку привезли!» – с ужасом сообразил Вдовин – и так зажмурился, что уши заложило. Сердце металось по грудной клетке, не зная, где спрятаться. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Никанор Матвеевич осмелился разъять веки.

У ног его на смятой траве валялась груда тел да поблескивали среди стебельков стреляные стерженечки. Их было много. Должно быть, беспилотник, согласно установке, на этот раз бил дуплетом.

Не в силах больше смотреть на эту страсть, Вдовин шарахнулся туда, откуда пришел, чем произвел изрядный переполох среди бывших попутчиков: не дожидаясь его приближения, хорошие люди кинулись по машинам.

Развернулись – и уехали.

* * *

Когда Никанор Матвеевич, спотыкаясь, выбрался на трассу, в нагрудном кармане расплакался телефон. Достал, нажал кнопку.

– Бать! – услышал он ликующий голос будущего зятя. – Я тобой горжусь! Мы теперь, батя, первые люди в городе! Ты понял? Первые...

У Вдовина переклинило связки – ответить не смог.

– Ты прости, что мы тебя там бросили, – как ни в чем не бывало продолжал Фёдор. – Ты ж еще не в себе был... Ты давай в себя приходи – и к нам!

Заквакала, приближаясь, сирена – и мимо Вдовина промчался микроавтобус с мигалкой. Потом еще один. Сбросили скорость – и свернули с трассы на грунтовку. Тела подбирать.

– Ага, слышу... – подтвердил Фёдор. – Укройся, батя... Вечером перезвоню...

Укрываться было поздно, да и незачем. Одиноким прохожим на пыльной обочине, судя по всему, подозрения у полицейских не вызвал. Хотя вполне может так случиться, что вызовет еще... По сути, принял участие в войне двух банд.

При этой мысли стало совсем плохо. «Господи, помоги...» – мысленно исторг Вдовин, становившийся верующим исключительно в минуты опасности. Даже глаза к небу воздел.

Бога в небесах не было. Был беспилотник, быстро удаляющийся в сторону города. А навстречу ему летел такой же. Вот оно что! Стало быть, смена караула у них. Ну, правильно, им же, наверное, дозаправка нужна... или там дозарядка...

Почему-то достаточно одного трезвого умозаключения, чтобы религиозный экстаз отступил, а умственные способности – вернулись.

Принял участие... Принял участие... А кто докажет? Беспилотник?... Проклятье! А ведь докажет, хрень винтокрылая... Видеозаписи – вот они! Прибыл на стрелку в составе одной из банд...

Отчаянные мысли были прерваны плаксивым сигналом сотовика.

Не буду отвечать, решил Вдовин. Однако звонил не Фёдор – звонил Александр.

– Никанор Матвеевич! – В хриловатом голосе куратора сквозила паника. – Что же вы натворили, Никанор Матвеевич!

– Ну так я же... – пролепетал он, судорожно пытаясь придумать себе хоть какое-нибудь оправдание. – Вот... обезвредить помог... органам...

– Так в том-то все и дело... – простонал Александр. – Это же воеводинская группировка! А вы ее в полном составе полиции сдали... Знаете, что теперь с нами шеф сделает? Уволит он нас, Никанор Матвеевич... И нас, и Виталика... – крикнул, помолчал. – Потом свяжемся... – горестно распорядился он и дал отбой.

Вдовин пару раз промахнулся сотиком мимо кармана, наконец запихнул – и запинаящимся шагом двинулся в направлении города. От сердца малость отлегло: увольнение – это еще не самое страшное, что может случиться с человеком.

Шеф... Что ж это за шеф, хотелось бы знать... Какая-нибудь шишка из муниципалитета... купленная на корню и с потрохами... А вообще, конечно, удивительно: за Калерию Павловну – никому ничего, а за настоящих бандитов – увольняют...

* * *

Александр перезвонил минут через пять. Но это уже был другой Александр: никакой растерянности, никаких трагедийных восклицаний – решителен, сосредоточен, разве что несколько угрюм.

– Вы где? – отрывисто спросил он. – Ах да! Вижу, вижу... Значит, так. Никуда не уходите. Сейчас вас подхватит Виталий, отвезет в город... По дороге все объяснит.

Ну, слава богу! А то бы так и пришлось шкандыбать пешком до самого кольца трамваев.

Вскоре объявился Виталий – осунувшийся, с безумными глазами. Резко затормозил, распахнул дверцу, велел пристегнуться – и, развернувшись, дал по газам.

– Шеф рвет и мечет, – неотрывно глядя на дорогу, сообщил он сквозь зубы. – Между прочим, вашей головы требует...

Сердце оборвалось. Головы? А вот это уже не просто увольнение – это хуже...

– Черт! Черт! Черт! – сдавленно произнес Виталий, при каждом чертыхании неистово рубя воздух ребром правой ладони и ведя машину одной левой. – Двух дней не хватило! Его ж отстранить собирались... Хапнул, козел, не по чину... А с заместителем его мы бы горя не знали...

Спохватился, понял, что говорит не о том. Опомнясь, продолжил с отдышкой:

– В Думе встречаться нельзя... Передам вас с рук на руки Саше, а там уж он сообразит, как быть...

Показался бульвар, где Вдовина и высадили.

Очутившись на тротуаре, он перевел дух и попытался собраться с мыслями. В Думе встречаться нельзя... С кем нельзя встречаться в Думе? Наверное, с шефом... Зачем шефу личная встреча со Вдовиным? Уволить? Отругать?

Выяснилось, что отругать. Вскоре напротив переминающегося у бровки Никанора Матвеевича остановилась машина, за рулем которой сидел Александр. Рядом с ним громоздился кто-то неведомый. Шеф?

Стекло передней дверцы ушло вниз – и взору Вдовина явилась страшная голова с раздутыми ноздрями.

– Проект нам сорвать хочешь? – прорычала она. – Ты что себе позволяешь? Тебя для чего на работу брали? Чтобы ты нужных людей подставлял? Бомжей тебе мало?..

Изливши первый гнев, незнакомец умолк, откинулся на спинку сиденья, и, если бы не два стерженька, брякнувшие об асфальт, запросто могло бы показаться, что начальство вполне удовлетворено произведенным впечатлением и готово следовать дальше.

Александр отстегнул свой ремень безопасности, пощупал пассажиру пульс, приподнял веко – и, скорбно кивнув, достал телефон.

– У нас тут ЧП, – сообщил он кому-то. – Ехали мы с Петровичем, а навстречу, как на грех, наш подопытный. Петрович увидел, велел остановиться, дверцу открыл – ну и отчихвостил... по своему обыкновению... Да! Дуплетом... Без сознания. В больницу везу...

Нажал кнопку, поглядел на оцепеневшего Вдовина.

– Все путем, Никанор Матвеевич, – утешил он. – Увольнений не будет. Работаем дальше...

* * *

Ну и кто он теперь? Киллер? Именно так. Скромно оплачиваемый киллер... Сначала – банду, потом – шефа, а завтра, глядишь, какая-нибудь соседка посообразительней объявит мужу, будто изменяет со Вдовиным, разъяренный супруг налетит во дворе на Никанора Матвеевича с кулаками – и...

Уволиться? Что это изменит?.. Нет, изменить-то, конечно, изменит, но к худшему! Кто поверит, что человек в трезвом уме и здравой памяти способен отказаться от охраны, за которую еще и зарплата причитается? Будут подставлять точно так же, а защитить-то уволившегося уже некому...

Бежать! Бежать...

Куда? В монастырь?

Хм... А это, между прочим, мысль...

– Гражданин! – с омерзением окликнули его. – Эй, гражданин!..

Обернулся. Перед ним стояла сплоченная группа чистенько одетых то ли студентов, то ли старшеклассников, в которую почему-то затесались также две кряжистые злобные тетки.

– Что?.. – У него сел голос.

– А вот позовем сейчас полицию, тогда узнаешь «чего»! – пригрозила, сверкая глазами, одна из теток. – «Чего»!

Смуглый горбоносый юноша с полупрозрачной мефистофельской бородкой сделал шаг вперед.

– Вы оскорбляете чувства верующих, – торжественно выговорил он.

– Я?.. – изумился Вдовин.

Чтобы он оскорбил чувства верующих? Да он сам, если на то пошло, только что в монастырь собирался...

– Что это на вас?

Вдовин упер подбородок в грудь – уставился на незнакомую девичью мордашку и непонятную иноязычную надпись. В перевернутом виде они показались ему еще более незнакомыми и непонятными.

– Да чего с ним разговаривать! – грянула тетка. – Зови полицию! И наших vedi!

Кто-то куда-то метнулся. Никанор Матвеевич отнял взгляд от маечки – и обомлел. Столько правоты было в широко раскрытых глазах, такой решимостью дышали молодые лица, что Вдовину почудилось, будто он стремительно съезживается до микроскопических размеров. Еще мгновение – и его просто не станет.

«Бежать...» – беззвучно шевельнулись губы.

Вдовин повернулся – и побежал.

– Держи его! – послышался крик, но был прерван оглушительным бречением, словно на асфальт сыпанули с высоты добрую сотню крупных гвоздей.

А навстречу бегущему шла уже целая толпа разгневанных молодых людей в белых рубашечках – и с ними двое полицейских.

Вдовин закричал, кинулся вспять – и успел увидеть, как скрывается за кронами возвращающийся на базу беспилотник, а взамен ему на цель заходит второй.

Очевидно, у первого кончился боезапас.

Леонид Каганов

КОГДА МЕНЯ ОТПУСТИТ

Старенькая маршрутка уверенно ломилась сквозь пробку короткими рывками и постоянно перестраивалась, раз за разом обгоняя на корпус окружающие иномарки. Я трясся на заднем сиденье и размышлял о том, что же помогает водителю двигаться быстрее остальных. То ли опыт, отточенный годами езды по одному маршруту, то ли чисто профессиональная смесь спокойствия и наглости, которой не хватает простым автолюбителям – либо спокойным, либо наглым, но по раздельности. Часы показывали без четверти девять, и я с грустью понял, что к девяти не успеваю, и есть шанс остаться за бортом. Но вскоре маршрутка выбралась на шоссе и быстро понеслась вперед. Судя по рекламным щитам, со всех сторон наперебой предлагавшим щебень, кирпич и теплицы, мы уже были сильно за городом. Я не заметил, как задремал. А когда вдруг очнулся, маршрутка стояла на обочине, в салоне осталось пассажиров всего трое, и все они сейчас хмуро смотрели на меня.

– Госпиталь кто спрашивал? – требовательно повторил водитель.

– Мне, мне! – спохватился я, зачем-то по-школьному вскинув руку, и кинулся к выходу.

Маршрутка уехала, я огляделся: передо мной тянулся бетонный забор с воротами и проходной будкой, а за забором виднелось белое пятиэтажное здание. У проходной на стуле грелась на солнце бабулька в цветастом платке и с книжкой в руках. Ее можно было принять за простую пенсионерку, если б не красная повязка на рукаве.

– Доброе утро, – поздоровался я. – Не подскажете, госпиталь НИИ ЦКГ... ВГ... длинное такое слово...

Бабулька оглядела меня с ног до головы строгим взглядом.

– А вы к кому? – хмуро спросила она. – У нас режимная территория.

– Студент, – объяснил я. – Доброволец, на эксперимент. Я созванивался, мне сказали сегодня в девять...

– В лабораторию, что ли? К Бурко? – догадалась старушка и, не дожидаясь ответа, затараторила: – Мимо главного крыльца справа обойдешь здание, сбоку за автобусом будет железная дверь, по лестнице на последний этаж, там увидишь.

Действительно, сбоку у здания желтел корпус автобуса, а сразу за ним оказалась железная дверь. Я нажал кнопку звонка, и вскоре кто-то невидимый щелкнул замком, разрешая мне войти. Я поднялся на последний этаж. Здесь было почти пусто: вдоль стен коридора тянулись банкетки, и на одной из них сидела девушка. На ней была короткая кожаная юбочка и ярко-розовые гольфы, поднявшиеся выше коленок, в верхней губе блестело металлическое колечко, а на голове были здоровенные наушники в вязаном чехле. В руке она держала смартфон, куда уходили провода наушников, и тихо копалась в нем – то ли сидела в Интернете, то ли искала следующий трек. Она слегка покачивала ногой, из наушников плыло громкое ритмичное цыканье и тонуло в тишине коридора. На мое появление девушка никак не отреагировала.

– Добрый день, – поприветствовал я. – Тоже на эксперимент?

Мне пришлось повторить дважды, прежде чем девушка вскинула глаза и сняла наушник с одного уха.

– Чё? – спросила она, а затем кивнула: – Угу. Сказали ждать тут. А ты уже был? Чего они тут дают-то?

Я помотал головой:

– Не знаю. Увидел объявление, позвонил, сказали приезжать.

Девушка рассеянно кивнула и отвернулась.

– Меня зовут Паша, – представился я, садясь рядом на банкетку. – Я из медицинского. Кафедра хирургии. У нас объявление висело.

– Чего говоришь? – повернулась девушка, снова сдвинув наушник.

– Говорю: как тебя зовут?

– Меня зовут Дженни, – ответила она.

– А по-настоящему?

Девушка с презрением пожала плечами:

– А на фига тебе? Ну, Лена. И что?

– Ничего, просто спросил... А ты тоже в медицинском учишься?

– В стоматологическом, – ответила она и снова надвинула наушники.

Я понимающе кивнул:

– И у вас тоже объявление висело?

– На, читай... – Дженни сунула руку в карман кофты и вынула смятый листок.

Это был в точности такой же листок, который я сфоткал мобильником на доске объявлений кафедр:

Вниманию студентов медвузов!

**Лаборатории НИИ ЦКВГФСБСВП требуются добровольцы
для эксперимента с психоактивным препаратом
(измененные состояния сознания) оплата 3000 руб.**

Неожиданно открылась дверь, и в коридор выглянул седой бородач в белом халате. Он оглядел нас, затем посмотрел на часы и разочарованно спросил:

– Что, больше никого? Ну ладно, заходите...

Мы прошли в его кабинет. Больше всего он напоминал кабинет главврача: здесь стояла кушетка, напротив нее – монументальный стол, заваленный бумагами, а рядом столик с компьютером – судя по виду, очень древним. Бородач велел нам присесть на кушетку, а сам уселся за стол, нацепил очки и внимательно нас оглядел.

– Студенты? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Значит, вкратце рассказываю: меня зовут Бурко Данила Ильич, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой психофармакологии. Препарат, который мы с вами будем испытывать, – препарат нового поколения. Не токсичен. На животных проверку прошел, разрешение на эксперимент с добровольцами есть. Если кому интересно, можно посмотреть... – Данила Ильич поднял со стола лист бумаги, помахал им в воздухе и положил обратно.

Дженни подняла на него взгляд:

– А эта штука типа ЛСД будет?

– Все, что надо, расскажу, не перебивайте! – строго одернул ее профессор. – Теперь по процедуре. Эксперимент займет три дня. Все это время придется пробыть в госпитале в экспериментальной палате. Все удобства есть. Если нужна справка для института – дадим. Будем измерять давление, пульс, энцефалограмму снимать. Ну и записывать все ваши ощущения. Вам как будущим медикам должно быть интересно. Деньги получите по окончании. Деньги не бог весть какие, но уж какие есть. – Профессор развел руками, а затем внимательно оглядел нас поверх очков. – Теперь еще такой момент: вы читали табличку на воротах – госпиталь военный, ФСБ России. Эксперименты тоже секретные. Поэтому вместе с заявлением об участии в эксперименте каждый подпишет бумагу о неразглашении. Такой порядок. И сразу предупреждаю: неразглашение – это значит неразглашение. Чтоб никаких там «Фейсбуков» и прочего. Потому что если выльвет, то и мне будут неприятности, и вам – ответственность. С этим понятно?

Мы кивнули.

– Теперь к вам, товарищи студенты, вопрос в лоб: кто-то из вас пробовал наркотики? Дженни нагло вскинула руку.

– А травка считается? – спросил я аккуратно.

– Все понятно, – кивнул профессор. – Значит, сразу объясняю: то, что мы испытываем здесь, – это не наркотик. Это продукт нанотехнологий, который мы разрабатываем двенадцать лет. Мы его называем психоактивным препаратом обратного действия, потому что психику испытуемого он не изменяет.

– Да ну-у-у... – протянула Дженни. – Я тогда пошла отсюда.

– А вы что хотели, девушка? – возмутился профессор.

– Поколбаситься, – честно ответила Дженни, глядя ему в глаза.

– Колбаситься, девушка, – строго сказал профессор, – будете в своих клубах. Вам что, деньги не нужны?

– Три тысячи? – усмехнулась Дженни. – Нет, спасибо. Я думала, у вас тут что-то интересное...

– Типа как Кен Кизи и Тимоти Лири, – поддержал я. – Добровольцы для экспериментов с ЛСД.

Профессор смерил нас таким презрительным взглядом, что я смутился и опустил глаза.

– Без пяти минут медики, – укоризненно сказал он. – Как вам не стыдно? Вы молодые, здоровые, чего вам не хватает в жизни? Вам нравится состояние неадекватности? Хотите выглядеть дебилами в глазах окружающих? Вам нравится беспричинный смех, тупость, безумство, галлюцинации, потеря самоконтроля?

– Да, – кивнула Дженни с вызовом.

– Извините, этим мы здесь не занимаемся, – строго сказал профессор. – Мы здесь занимаемся абсолютно противоположными вещами. Мы создаем ингибитор обратного действия – препарат, который поможет человеку сохранять здравый рассудок даже в искаженной реальности. Это важно для лечения многих психических расстройств. Но это не наркотик. Его принцип обратный.

– Что-то не пойму вас, – сказал я. – А в чем его принцип?

– Принцип я вам не имею права раскрывать по понятным причинам, – отрезал профессор. – Но еще раз подчеркну, что принцип обратный, чем у наркотика: если изменения реальности происходят, то происходят они не с пациентом, а с самой реальностью.

Дженни заинтересовалась.

– То есть все-таки происходят? – спросила она. – Изменения реальности будут?

– Это нам с вами и предстоит выяснить, – внушительно ответил профессор. – Я скажу вам честно: на людях мы этот препарат еще не тестировали.

* * *

Палата, располагавшаяся рядом с кабинетом профессора, оказалась как в пионерлагере – десять кроватей в ряд. «Мы думали, больше студентов откликнется», – признался профессор. Он представил нам свою ассистентку – толстую медсестру Ксению. Она измерила нам давление, взяла анализ крови из пальца, а затем выдала новенькие полосатые пижамы и закрытые резиновые тапки, напоминавшие галоши. Нашу одежду забрали. Пижамы были как в кино у заключенных – штаны и куртка в широкую вертикальную полоску ярко-синего цвета. Дженни долго крутилась у зеркала над рукомойником палаты, пытаясь рассмотреть себя со всех сторон, но осталась недовольна. А по мне – так ей очень даже шло. Я сказал ей об этом, но, по моему, она не поверила.

Нам велели ждать. Долгое время ничего не происходило, а затем пришел почему-то охранник. Он был маленького роста и тощий, но бронежилет делал его фигуру внушительной.

На нем был черный костюм с нашивкой «ведомственная охрана», а на плече висел потертый автомат с коротким стволом. Охранник прошел в дальний угол и сел на крайнюю койку. Ксения принесла нам на подпись какие-то бумаги, а затем профессор торжественно вынес два одноразовых стаканчика, держа их рукой в резиновой перчатке, долил в каждый воды из крана и протянул нам.

Вода в стаканчике казалась абсолютно прозрачной, но мне почудилось, что в глубине что-то клубится едва заметными штрихами, как бывает, когда в кипятке растворяется сахар. Или показалось? Я понюхал стакан, но вода ничем не пахла. Мне стало не по себе, и вся затея показалась идиотской и опасной. Не так я себе это представлял... Ну, в самом деле, зачем я в это ввязался? Тоже мне Кен Кизи.

– Скажите, а это точно безопасно? – спросил я, понимая, что вопрос звучит глупо.

Дженни без вопросов опрокинула свой стакан в рот, затем внимательно его осмотрела, слизнула языком капельку, оставшуюся на стенке, и вернула профессору.

Настала моя очередь. Вода по вкусу оказалась совсем обычной.

– В принципе должно быть безопасно, – ответил профессор на мой вопрос. – Вы пока располагайтесь, отдыхайте. Я буду приходить каждый час навещать вас.

– А сколько нам теперь ждать? – спросила Дженни.

– Когда что-то почувствуете – обращайтесь к Ксении, – ответил профессор. – Или к Рустаму.

– Рустам – это кто? – спросил я.

– Это я, – подал голос охранник.

Он разлегся на дальней кровати с карандашом, а перед ним была развернута газета.

– Наушники мне можно вернуть? – спросила Дженни.

Профессор покачал головой:

– Это будет вас отвлекать, нам нужны чистые впечатления добровольцев. Внимательно прислушивайтесь к своим внутренним ощущениям и обо всем, что вам покажется необычным, сразу сообщайте. Договорились?

– Договорились, – произнесли мы с Дженни хором.

И профессор вышел из палаты, оставив дверь открытой.

Дженни сразу легла на кровать, закинула руки за голову и уставилась в потолок, изучая трещины. Медсестра Ксения зачем-то мыла в раковине наши стаканчики. Некоторое время все молчали.

– Мне кажется, – вдруг произнесла Дженни, не сводя взгляда с потолка, – у меня в глазах красные вспышки.

Медсестра недоверчиво на нее покосилась.

– Нет, ну правда! – сказала Дженни. – Если в потолок долго смотреть.

Я лег на кушетку рядом, тоже закинул руки за голову и начал смотреть в потолок. Потолок был неровный и пыльный, с него свисали пылевые сосульки, какие можно заметить только при ярком солнечном свете. Осветительные трубки были приделаны неровными рядами, кое-где не хватало ламп. Еще на потолке был конусный датчик с проводом. А через всю комнату по потолку шла трещина, словно он собирался развалиться над головой и все ждал момента. Я представил себе эту картину, и мне вдруг стало страшно. Я решил об этом сообщить.

– Что-то мне страшно, – сказал я.

– Чего вдруг? – отозвалась медсестра.

– Не знаю. – Я сделал глубокий вдох. – Беспочвенно.

Медсестра задумчиво цыкнула зубом и ничего не ответила.

– Вы бы записали это в журнал, что ли, – предложил я.

– Я запомню, – пообещала Ксения.

Я снова уставился в потолок и смотрел так долго, что мне начало казаться, будто он плавно движется на меня, как большое одеяло. Я хотел об этом сообщить, но не успел.

– Вот! – крикнула вдруг Дженни. – Опять вспышка!

И на этот раз я понял, о чем она говорит.

– И у меня, и у меня! – закричал я. – Я тоже видел! Вот на том конусе, да?

– Точно! – откликнулась Дженни и радостно повернулась ко мне: – Ты правда видел, да?

Охранник Рустам звучно раскашлялся из своего угла, а затем произнес:

– Это датчик пожарный. Там сигнальный диод каждые десять секунд вспыхивает.

Мы замолчали. Мне снова показалось, что потолок начинает опускаться, но говорить об этом уже как-то не хотелось.

Я встал, подошел к распахнутому окну, облокотился на подоконник и стал глядеть на улицу с пятого этажа. Яркое светило солнце. Внизу под окном темнел битумный козырек парадного крыльца, на нем валялись бутылочные осколки и фантики. Перед входом виднелась асфальтовая площадка – справа и слева стояли скамейки, а над ними цвели кусты сирени. Вдали по шоссе неспешно катились грузовики. Из-под козырька появился, бодро перебирая костылями, какой-то парень в военной форме, доковылял до лавки и сел, выставив перед собой ногу в гипсе. Больше ничего интересного не происходило. Один раз на площадку вышли покурить две медсестры в белых халатах, они хихикали о чем-то своем. Парень в гипсе доковылял до медсестер, выпросил у них сигарету и заковылял к скамейке, но медсестры его схватили под руки, развернули и начали что-то строго выговаривать, показывая пальцем на скамейку. Через проходную вошла пожилая дама с авоськой и, прихрамывая, направилась к зданию, на ходу деловито вынимая из авоськи рентгено снимок. Ничего интересного не происходило.

– Мягкая конструкция с вареными бобами, – вдруг пробасил за моей спиной охранник Рустам, – кто автор?

Я обернулся. Рустам все так же сидел в дальнем углу, почесывая лоб карандашом, словно и не он задал вопрос. Дженни все так же глядела в потолок. Медсестра Ксения сидела на стуле, рассматривая свои ногти.

– Вы что-то сказали или мне послышалось? – осторожно произнес я.

– Автор картины, – забубнил Рустам, – мягкая конструкция с вареными бобами.

– Сальвадор Дали, – вдруг сказала Дженни. – У него картина так называлась сумасшедшая. Там локти в пустыне стоят один на другом.

– Дали? – с интересом переспросил охранник. – Подходит, как раз четыре буквы... А тогда поэт, восемь букв, вторая «а»?

Ему никто не ответил.

– Бальзак, – наконец предположила медсестра Ксения.

– Не, – ответил Рустам, – мало букв.

– Ну, значит Бальмонт, – пожала плечами медсестра.

Рустам долго шевелил губами, а затем удовлетворенно кивнул и заскрипел карандашом. В палате снова воцарилась тишина.

– А кормить нас будут? – спросила Дженни.

– Конечно, – откликнулась Ксения. – Обед у нас в два. Еще три часа до обеда.

– А здесь какой-нибудь ларек есть, ну, печенье купить? – спросил я.

– Нельзя покидать палату, – покачала головой медсестра. – А что, кому-то хочется есть?

– Нет, просто спросил.

– А может, какие-то другие симптомы? – с надеждой спросила медсестра. – Необычные ощущения? Искажения пространства? Ну или эти, как их...

– Галлюции, – подсказал Рустам.

Медсестра обернулась к нему:

– Галлюцинации, Рустам! Галлюцинации! Не галлюции! Ну, ты даешь! Галлюции! – Она запрокинула голову, широко распахнула рот и оглушительно захохотала прямо в потолок. Она хохотала долго – минуту, наверно.

Я посмотрел на Дженни. Дженни сидела на кровати, обняв колени, и тоже смотрела на медсестру настороженно.

– Скажите, а зачем нам здесь охранник с автоматом? – вдруг спросила Дженни, когда медсестра наконец замолчала.

– Рустам? – удивилась медсестра. – А он к эксперименту не относится.

– Но вот же он сидит. – Дженни раздраженно показала пальцем на крайнюю койку в углу.

– Он живет здесь, – ответила медсестра спокойно.

– В палате? – с ударением переспросила Дженни.

Медсестра хотела что-то ответить, но тут в раскрытую дверь заглянул профессор. На голове его теперь была каска с прозрачным забралом, поднятым вверх, а в руках он держал какую-то непонятную штуку – не то дрель, не то мясорубку.

– Ну? – бодро спросил он, оглядывая нас с Дженни. – Все нормально?

Мы покивали.

– Никаких новых ощущений? Ничего необычного?

Я пожал плечами. Дженни промолчала.

– Что-то они у нас бледные какие-то оба, – озабоченно сказал профессор и повернулся к медсестре: – Ты им часика через два температуру померяй.

Медсестра кивнула.

– Вот и чудненько, – подытожил профессор. – Если что – я пока буду во дворе пилить.

И ушел. Вскоре со двора донесся пронзительный визг электропилы. Я вздрогнул.

– Вы тоже этот звук слышите? – спросил я.

– И я слышу! – подтвердила Дженни.

Медсестра Ксения лениво махнула рукой:

– Данила Ильич автобус свой пилит.

– Что?! – спросил я.

– Ну, вы видели у входа желтый автобус? Списанный, без колес?

Дженни удивилась:

– А он разве без колес? Я как-то не разглядывала.

– У Данилы Ильича сейчас ремонт в доме, – с уважением пояснила Ксения. – А у него пациент – директор автопарка. Вот он взял по случаю списанный автобус и выпиливает окна: лоджии ими стеклить будет. Уже вторую неделю пилит. Три окна разбил по неаккуратности и лобовое.

– Ясно... – пробормотал я.

– Если вам нужно, – доверительно продолжила Ксения, – вы у него потом спросите, может, у него лишние останутся.

– Окна? – испуганно спросила Дженни. – От автобуса?

Медсестра кивнула:

– Мне он тоже обещал одно выпилить. Я пока не знаю, куда его, может, на кухне повешу...

Мне на миг показалось, что у меня кружится голова. Я открыл рот и сделал несколько глубоких вдохов.

В этот момент во дворе послышался рассыпчатый стеклянный звон и глухая ругань. Пила смолкла. А вскоре на пороге палаты возник хмурый профессор, сжимая левую кисть носовым платком.

– Ксения! У нас есть зеленка?! – раздраженно рявкнул он, но вдруг увидел мои испуганные глаза и пояснил уже спокойным тоном: – Пустяки, царапина.

– Данила Ильич! – всплеснула руками Ксения. – Давайте ж я перевяжу!

Оба исчезли в коридоре.

Я посмотрел на Дженни, Дженни пожала плечами и покрутила пальцем у виска.

– Город на юге Москвы, – вдруг подал голос Рустам и с горечью прокомментировал: – Какие-то упоротые дебилы кроссворды сочиняют. Москва – она же сама и есть город!

– Может, пригород? – настороженно предположила Дженни. – Нутам, Зеленоград, Люберцы...

– Ага, при-го-род... – по слогам произнес Рустам и оживился: – Как раз восемь букв! – Он оглядел кроссворд и нахмурился: – Но тогда не Бальмонт... Если Бальмонт, то мягкий знак третий с конца. Чего вы там еще называли?

– Люберцы... – повторила Дженни.

– Подходит! И мягкий знак где надо, – обрадовался охранник. – Теперь, значит, дальше у нас получается: морское животное семейства китообразных. Первая буква «ы». Вторая «и»...

Мы с Дженни снова переглянулись.

– Люберцы без мягкого знака пишется, – сухо сообщила Дженни.

– Подольск! – неожиданно осенило меня. – Подольск! Он как раз на юге от Москвы!

Рустам внимательно посмотрел на нас и одобрительно покивал.

– Ну, молодцы! Не зря вас там учат... Подольск подходит. Значит, морское животное семейства китообразных, три буквы. Первая «к», вторая «и». Если Дали было правильно, то «и» вторая, да.

– Кит? – спросил я упавшим голосом.

– Щас... – сосредоточился Рустам. – О, подходит!

За окном снова застрекотала пила, вгрызаясь в металл. Дженни решительно вскочила, подошла к Рустаму и заглянула в кроссворд. А затем тихо вернулась и прошептала мне на ухо:

– Слушай, у него там и правда кит в кроссворде. Реально пропечатан! Это какая-то шиза.

– Надо звать медсестру! – кивнул я. – С нами что-то не так.

– Дурак, это с ними не так! – прошептала Дженни.

– Ага, конечно, – усмехнулся я. – Приняли экспериментальный препарат мы, а не так – с ними?

– По-твоему, это у нас галлюцинации? – Дженни обвела рукой палату. – Здесь, по-твоему, что-то изменилось?

Палата и впрямь не изменилась. Хотя выглядела странно. По потолку змеилась трещина в рваных клочьях штукатурки. Из стен во множестве торчали какие-то старые трубы, давно отпиленные и замазанные краской. Из трех окон палаты одно было наполовину закрашено сверху белой краской, другое снаружи затянуто металлической сеткой-рабицей – грязной и в голубиных перьях, и лишь третье окно открывалось и выглядело вменяемым. Впрочем, ручки у окон были зачем-то выдраны, и там зияли дырки.

Слева от входа на крашеной стене висела грязноватая раковина, зеркало над ней треснуло. И хотя вокруг было полно места, сама раковина располагалась именно здесь, и так неудачно, что край фаянсового бока выходил в дверной проем, и поэтому дверь в палату не могла закрыться до конца. Видно, ее не раз безуспешно пытались закрыть, но она неизменно стучалась о бортик раковины: в этом месте на двери виднелись зарубки, а на боку раковины – старый скол.

Это было так дико, что мне вдруг захотелось проверить, правда ли раковина не дает двери закрыться. Я подошел к двери и стал ее аккуратно закрывать, но дверь вдруг заклинилась, не дойдя даже до раковины. Я опустил взгляд: к линолеуму был небрежно прибит гвоздями крюк, как для полотенец, – он останавливал дверь на по л пути.

– Дверь не закрывается, слепой, что ли? – пробасил за моей спиной охранник Рустам.

Я обернулся на Дженни – глаза ее были круглые и растерянные.

– А... почему дверь не закрывается? – спросил я осторожно.

– А она никогда не закрывалась, – зевнул Рустам, – я тут двенадцать лет работаю. Вон упор специально прибит, чтоб такие, как вы, раковину не раздолбали. Река в Гибралтаре, три буквы, первая «н»?

– Нил, – хмуро сказала Дженни.

– Отлично, – кивнул Рустам.

Я глубоко вздохнул.

– Позовите медсестру, – попросил я. – У нас точно появились странные ощущения.

– А чего случилось? – нахмурился Рустам. – Да ты от двери-то отойди, не ломай.

– У меня ощущение нереальности происходящего, – сообщил я. – Мне все вокруг кажется диким и странным.

Охранник пожал плечами:

– Ну, ляг, полежи. Она скоро придет. Во дворе, наверно, с профессором, слышь, автобус пилят?

Во дворе действительно надрывно скрежетала пила.

– И все-таки позовите ее! – решительно попросил я.

Рустам поморщился, отложил кроссворд и неохотно поднялся, придерживая автомат. Он подошел к окну, высунулся по пояс, открыл рот и вдруг оглушительно заорал:

– Сука, для кого урна?!! Урна для кого?!! Я тебе говорил, на лавке не курить?!! – Он обернулся к нам с пылающим от гнева лицом и объяснил: – Козел, я убью его!!! На лавке курит, потом вокруг бычки валяются!!! А меня за них комендант дрочит!!! – Он снова высунулся в окно и заорал: – Ты чё, не понял?!!

Дженни бросилась к свободному окну, я кинулся за ней. Во дворе на лавке сидел парень в гипсе и что-то объяснял жестами Рустаму, а затем вдруг показал средний палец. В следующий миг послышался угрожающий лязг, а следом грохнул выстрел, и комната наполнилась едким пороховым дымом.

– Козел, ты кому это показал?! – орал Рустам, высунув из окна дуло своего автомата.

Грохнул второй выстрел. Мы с Дженни глянули в окно: по двору неся прыжками парень с загипсованной ногой, нелепо виляя и размахивая костылями.

Грохнул третий выстрел.

– Бежим отсюда!!! – шепнула Дженни, дернув меня за рукав.

Взявшись за руки, мы выскочили из палаты и понеслись вниз по лестнице. Железная дверь во двор была приоткрыта – через нее тянулся толстый электропровод. Мы выскочили наружу. В лицо ударил запах сирени и металлических стружек, в уши ворвался визг пилы. Автобус, стоявший рядом со входом, оказался и вправду без колес. Внутри копошились медсестра Ксения и профессор Данила Ильич. Он сжимал перебинтованной ладонью дисковую пилу. Край отрезного диска торчал из автобуса наружу, оставляя за собой длинную прорезь и осыпая все вокруг густыми оранжевыми искрами.

– Вперед! – толкнула меня Дженни, и мы ломанулись к проходной напрямик сквозь кусты.

Нас никто не преследовал. Бабки на проходной тоже не было. Мы выскочили за ворота и как по команде остановились.

– Куда мы бежим? – спросил я растерянно.

– Не знаю, – тоже растерялась Дженни.

– Мы не можем никуда бежать из больницы! Мы же сейчас под действием препарата... У нас галлюцинации. Мы в пижамах, в конце-то концов! Нам надо вернуться в палату и дожидаться, пока нас отпустит...

– Без меня, – уверенно сказала Дженни. – Я туда не пойду. Псих с автоматом, профессор, который распиливает автобус для лоджии, дверь эта не закрывающаяся... Без меня. Ты что, не понял, что они там все обдолбанные? Сидят свои препараты варят и проверяют на себе.

Я покачал головой:

– Он же объяснил, что это не наркотики.

– А что это тогда? – спросила Дженни. – Что? Ты вообще понял его объяснение, что это?

Я покачал головой:

– Он что-то говорил про нанотехнологии и про то, что это обратная противоположность наркотикам. И сознание пациента не изменяет. А меняет саму реальность.

– Так я и говорю, – кивнула Дженни. – Препарат приняли мы, а обдолбанные – все они.

– Так не бывает, – возразил я. – Говорю как будущий медик.

– Но он именно это нам и толковывал! – возразила Дженни. – Что с нами будет все в порядке, а изменится реальность. Вот мы и оказались в обдолбанной больнице. Как ее название... – Дженни вдруг уставилась куда-то за мою спину, и глаза ее расширились.

Я испуганно обернулся, но вокруг ничего не происходило: светило весеннее солнце, а проходная была по-прежнему пустой. А на воротах сияла алая табличка с золотыми буквами. Я с изумлением прочел:

**Центральный клинический военный госпиталь
Федеральной службы безопасности
святого великомученика Пантелеймона**

– Эта надпись была такой, когда ты сюда шел? – спросила Дженни шепотом.

– Табличка вроде была, – признался я. – А вот надпись я не читал...

Неожиданно сзади послышался треск веток, и мы резко обернулись. Из кустов сирени бочком выходила бабулька-вахтерша в цветастом платке – теперь я с ужасом заметил, что на ее платке нарисованы совокупляющиеся в разных позах Микки-Маусы. Видимо, у меня на лице появилось изумление, но бабка истолковала его иначе:

– До корпуса далеко ходить, – объяснила она, кивнув на кусты, – когда тепло, и тут можно.

– Скажите, – спросила Дженни у бабки, – это госпиталь ФСБ святого Пантелеймона?

Бабка указала рукой на табличку:

– Читать умеете? Для кого написано-то?

– А какое отношение Пантелеймон имеет к ФСБ? – спросил я.

Бабка смерила меня презрительным взглядом – от воротника пижамы до резиновых тапочек.

– Святой Пантелеймон, когда был в вашем возрасте, – начала она назидательно, – нашел на улице мертвого ребенка, которого укусила ядовитая ехидна. Он стал молиться Господу, чтобы мальчик ожил и чтобы ехидна взорвалась на куски. Господь выполнил обе эти просьбы, и с тех пор Пантелеймон стал врачом. Жития святых читать надо! – закончила старушка и кивнула на свой стул, где лежала книжка. – Ясно?

– Ясно... – сказали мы с Дженни, переглянувшись.

– А мученик Пантелеймон, – закончила бабка, – мучительную смерть принял: ему отсекали голову, а из раны потекло молоко.

Мы потрясенно молчали.

– А вы откуда такие полосатые? Матросы, что ли? – Бабка указала пальцем на наши пижамы. – Матросы – это не к нам, у нас только сухопутные части лечатся.

– Но... – начал я, удивленно вскинув брови.

– Не пушу, – сурово покачала головой бабка. – У нас режимная территория. Идите отсюда, матросы, идите.

* * *

Мы с Дженни сидели на пустой автобусной остановке и глядели, как мимо прокатываются грузовики. На нас никто не обращал внимания.

– Вот я дура, – с чувством произнесла Дженни. – И зачем я вообще в это ввязалась?

Она качнула ногой, и резиновая галоша упала в песок. Ногти на ноге у Дженни оказались покрашены в ярко-красный цвет.

– А действительно, зачем ты в это ввязалась? – спросил я.

– А ты зачем? – с вызовом повернулась она.

– Ну... – Я пожал плечами. – Знаешь, медики всегда на себе испытывали разные лекарства...

– Вот не надо только брехать, – перебила Дженни. – Скажи честно: увидел объявление и решил покушать психоактивных препаратов. На халяву, да еще за деньги.

Я поморщился.

– Не совсем так. Видишь ли, я читал Кена Кизи, Тимоти Лири, Макенну, Кастанеду... И...

– И? – требовательно спросила Дженни.

– И, в общем, ты права, – согласился я наконец. – Увидел объявление, стало интересно, повелся... На хрена мне это было? Какой-то препарат, хрен знает какой вообще... Я ж раньше ничего толком не пробовал. Так, пару раз покурить друзья дали...

Дженни поддела галошу кончиками пальцев, ловко подкинула и надела на ногу.

– Я тоже, кроме травки, ничего не пробовала. Хотя нет, вру. Однажды мне подружка в клубе какую-то таблетку дала, но у меня уже было полстакана вискарика, так что я ничего не разобрала толком, только башка утром болела... Слушай, Пашка, а как ты думаешь, оно все три дня нас так плющить будет? Этот профессор сказал, три дня...

Я пожал плечами:

– Не знаю. Мне кажется, уже стало отпускать потихоньку.

– Это ты как определил? – усмехнулась Дженни.

– Ну, вроде уже давно сидим, а никакой дикости вокруг не видно...

– Дикости не видно? – изумилась Дженни. – А вон туда посмотри...

Я проследил за ее взглядом и увидел на той стороне шоссе здоровенный столб, на котором красовался рекламный плакат. Верхний угол плаката занимала толстая физиономия гаишника с рукой, важно поднимающей полосатую палку, а огромные буквы гласили: «ВОДИТЕЛИ! УВАЖАЙТЕ ТРУД ПЕШЕХОДОВ!»

Я закрыл лицо ладонями и помассировал. Затем прижал кулаки к закрытым векам и яростно тер глаза, пока передо мной не поплыли пятна самых ярких расцветок. Затем снова открыл глаза. Плакат никуда не исчез – он все так же маячил над дорогой. А за ним на бетонном заборе я теперь явственно разглядел длинный желтый транспарант, на котором черными буквами значилось без знаков препинания: «БАНИ ПЛИТКА НАДГРОБИЯ ДЕШЕВО», и стрелка указывала куда-то за угол, хотя угла у забора не было – он тянулся вдоль шоссе сколько хватал глаз.

– Ну как? – ехидно поинтересовалась Дженни.

– Плохо, – признался я. – Ты тоже все это видишь, да? Плакат? И вот то, желтое?

– И еще мужика, который перед собой матрас толкает по обочине шоссе... – кивнула Дженни.

– Где? – изумился я. – Ой, точно... Слушай, а зачем он матрас по шоссе толкает? Грязно ведь, и порвется...

– Ты меня спрашиваешь? – возмутилась Дженни. – Он уже километра два прошел, пока мы тут болтаем, скоро до нас доползет, вот сам и спросишь.

Я только хотел сказать, что пора отсюда сваливать, но как раз к остановке подрулил старенький зеленый автобус с табличкой на лобовом стекле «ЗАКАЗНИК-2» и призывно открыл переднюю дверь. Мы вошли внутрь. В салоне сидели хмурые таджики в одинаковых строительных безрукавках оранжевого цвета, и каждый держал в руке черенок от лопаты.

– Курсанты, что ли? – звонко крикнул водитель, вглядываясь в наши лица.

– Студенты, – ответил я.

– А я сразу понял: полосатые, значит, матросы! – крикнул он, стараясь перекрыть шум мотора. – Вы на митинг тоже?

– В Москву, – сказала Дженни.

Водитель удовлетворенно кивнул.

– А что у вас за пассажиры? – спросила Дженни, настороженно покосившись на таджиков в оранжевых безрукавках.

– Это нелегалы! Асфальтчики! – охотно сообщил водитель, прижав ладонь ко рту – то ли для секретности, то ли чтобы перекрычить шум. – Звонок помощника губернатора: всех оранжевых срочно на митинг. Собрались, поехали.

– А палки им зачем? – продолжала Дженни.

– Российский флаг нести дадут! – объяснил водитель.

– А для чего у вас на торпеде кочан капусты лежит? – не унималась Дженни.

Я перевел взгляд и остолбенел – действительно, прямо перед водителем, заслоняя обзор, лежал громадный кочан.

– Подарили! – с гордостью улыбнулся водитель, нежно похлопал кочан ладонью и пояснил со значением: – Женщина подарила.

Я ткнул Дженни в бок локтем и прошептал:

– Прошу тебя, не спрашивай больше ничего! Я не знаю, что мне делать с этой безумной информацией, у меня скоро башка от нее взорвется!

Но водителя было не остановить.

– У меня брат, – почему-то сообщил он не к месту, но гордо, – капусту возил на «Газели». Шесть раз в аварию влетал и переворачивался. В итоге без руки остался. А капуста в кузове цела. Вот вы, студенты, объясните, как такое бывает?

Я глубоко вздохнул, надув щеки. Водитель явно ждал ответа.

– Всякое бывает, – сказал я. – Вот у вас бывает состояние, когда все люди вокруг кажутся сумасшедшими? И вы слышите речь, но не понимаете смысла?

Дженни больно пихнула меня локтем.

– Смысл – он всегда есть, – философски заметил водитель. – Просто его увидеть надо. Смысл я вам объясню: с тех пор я перед собой всегда кочан вожу. Считаю, мой талисман. Если он цел будет, то и со мной ничего не случится. – Водитель снова нежно посмотрел на кочан и доверительно пояснил: – Обычно у меня маленький. А этот – знакомая женщина подарила.

– А пристегиваться не пробовали? – не выдержала Дженни.

– Пробовал, – кивнул водитель, – и иконку Николая пробовал. Но кочан лучше.

– Пристегивайтесь, пожалуйста, – попросила Дженни. И повторила, нежно вытягивая слова: – Пожа-а-алуйста.

Водитель внимательно на нее посмотрел, а затем пожал плечами и покрутил пальцем у виска.

Вдоль шоссе проносились рекламные щиты. Я старался в них не вчитываться, но это не удавалось: глаза сами цеплялись и прочитывали каждый лозунг. Большинство из них оказывались просто абсурдным набором слов, было совсем непонятно, что там рекламируется. С одного плаката скалился неопрятного вида мужик, а надпись спрашивала: «НЕ ХОЧЕШЬ

ТАКОГО СОСЕДА?» На другом, совсем черном, виднелось жутковатое и лаконичное «ЖДЕТ РЫБА». Попадались плакаты довольно понятные: «ВЫХОД ВСЕГДА – СЕТЬ!» или просто «ЗАКУПИСЬ!», но неясным оставалось, к чему они призывают и что имелось в виду, потому что никакой другой информации там не было. Иногда слова на плакате отсутствовали вовсе – только фотография дома и длиннющее число, которое для цены выглядело слишком длинным и разнородным, а до телефонного номера недотягивало по числу знаков. А иногда вместо слов появлялась откровенная тарабарщина – вроде того щита, где разноцветно сияли набросанные в полном беспорядке буквенные конструкции: «ВЫ – КАЧЕСТ – НАД – ГОДНО – ВЕННО – ЕЖНО». Если и попадались вполне разумные с виду заявления, то их смысл, если вдуматься, стремительно ускользал.

– Смотри, – обратился я к Дженни, – вот что это имелось в виду: «СВАДЕБНЫЕ ПЛАТЯ – СУПЕРСКИДКИ. РАСПРОДАЖА ВЕСЕННЕЙ КОЛЛЕКЦИИ»?

Дженни пожала плечами:

– Поторопиться с женитьбой, пока есть дешевое платье.

– Нет, а что вообще такое «весенняя коллекция свадебных платьев»? Кто их коллекционирует? Почему весенняя?

Дженни поморщилась.

– Вопросы не по адресу, я тут сама обалдеваю, – ответила она. – Ты вот лучше на это посмотри...

Я глянул, куда она указывала пальчиком, и увидел абсолютно черный щит с алыми строчками внизу: «ОПЯТЬ ПРОБЛЕМА С НАРКОТИКАМИ? ТЕПЕРЬ ДОСТАТОЧНО ПРОСТО ПОЗВОНИТЬ...» – и номер телефона.

– Предлагаешь позвонить? – усмехнулся я. – Вот только как понять, там лечат или продают?

– Или принимают доносы, – заметила Дженни.

Звучало логично.

– А вот смотри. – Я показал ей магазин на обочине. – «Таможенный конфискат». Прикинь, сколько надо каждый день конфисковывать у пассажиров разной всячины, чтобы целые магазины открывать? – Я задумался. – Хотя если не у пассажиров, а у бизнесменов, и целыми вагонами... Все равно непонятно, откуда столько. Бизнесмены же не идиоты, постоянно на одни грабли наступать и нарушать закон, теряя свои вагоны.

Дженни пожала плечами.

– Это не конфискованное, а ворованное, все знают. Таможня просто ворует, а здесь продает.

– Абсурд, – сказал я. – И эта система так давно и открыто работает?

Неожиданно вмешался водитель.

– Да никакой это не конфискат! – сообщил он. – Врут они все! Я знаю эти магазины, они все на одном китайском складе в Клину закупаются. Просто название такое, чтоб народ шел.

Я опешил.

– Совсем бред получается! Выходит, магазин продает не ворованное, но специально обманывает, будто оно ворованное, потому что ворованное люди покупают охотнее?!

– Пусть это будет сегодня нашей самой большой проблемой, – миролюбиво заключила Дженни.

Автобус свернул на лепесток и выехал на МКАД. Здесь оказалось на удивление свободно – МКАД был почти пуст. Водитель вдруг обернулся к нам почти всем корпусом и широко улыбнулся – мы с ужасом увидели, что все зубы у него стальные.

– Вот за что я люблю МКАД, – начал водитель с азартом, – это за неожиданности! Никогда не знаешь...

– На дорогу смотри!!! – заорали мы с Дженни одновременно, вскидывая руки.

Водитель начал яростно тормозить, но было поздно – задница черного джипа продолжала лететь нам навстречу с бешеной скоростью.

Я схватил Дженни обеими руками и бросился на пол автобуса, стараясь прикрыть своим телом. Раздался оглушительный удар и звон, мир подпрыгнул и обрушился на нас горой таджиков с черенками от лопат.

Таджики гортанно кричали, причем, казалось, все сразу. Автобус стоял неподвижно, и мы рванулись наружу – кто-то из таджиков даже помог встать мне и Дженни.

Удивительно, но вроде никто не пострадал, даже водитель – он, матерясь, вылезал из кабины. У автобуса не было лобового стекла, а весь перед оказался смят. Досталось и джипу – здоровенная черная коробка превратилась сзади в гармошку. Из-за руля джипа вылезла лохматая дама в странном платье с вуалью и огромным пушистым воротником. Она принялась осматривать свой джип, ни на кого не обращая внимания.

– Эй! – заорал водитель. – Ты совсем долбанутая?! Зачем ты задом гонишь по МКАДу?!

Дама презрительно подняла на него взгляд, словно только что заметив.

– А твое какое дело? – визгливо ответила она, уперев руки в бока. – Хочу и гоню!

Водитель от возмущения открыл рот и снова закрыл.

– Ты больная, что ли?! – снова заорал он. – Проехала поворот – езжай до следующего! Или аварийку включи и пяться медленно. Но кто ж задом так носится?!

– Это ты мне, сука, сказал? – прошипела дама, а затем вдруг бросилась, цокая каблуками, на середину проезжей части и истошно замахала руками. – Люди! Остановитесь все! Слышите? Я – Вожена!!! Смотрите, что я сделаю, смотрите!

Она кинулась обратно, выхватила у одного из таджиков черенок, метнулась к автобусу и стала с истерическим визгом крушить стекло в двери кабины. От первого же удара на стекле появилась витиеватая трещина, но дальше оно на удивление крепко держалось, сколько дама ни старалась.

– Кто это? – спросила Дженни испуганным шепотом.

– Понятия не имею, – прошептал я. – Адская галлюцинация. Надо бежать отсюда, нас плющит просто ужасно!

– А куда бежать-то? – Дженни испуганно оглянулась. – У нас ни денег, ни документов, ни метро поблизости...

Машины невозмутимо катились по МКАДу, объезжая место аварии. За жестяным отбойником дороги начиналась странная местность: по бесконечному пустырю в зарослях прошлогоднего сухостоя валялись бетонные шпалы. Они были огромные – на грузовике такую не привезешь – и валялись в абсолютном беспорядке, словно кто-то рассыпал с неба гигантский коробок спичек. Далеко за полем торчали жилые высотки. Чуть по ходу у обочины вяло дымилась большая металлическая куча из обгорелых сетчатых ящиков. Приглядевшись, я понял, что это тележки из супермаркета, сваленные в груду. Кто их сюда привез в таком количестве, как ему удалось их поджечь и зачем – об этом я думать и не пытался. Бежать действительно было некуда.

В этот момент рядом притормозил второй автобус – точно такой же, только на лобовом стекле стояла табличка «ЗАКАЗНИК-1». Видимо, он ехал за нами, потому что внутри сидели такие же оранжевые жилетки. Им, похоже, уже сообщили об аварии, потому что дверь призывно раскрылась и человек, высунувшийся оттуда, гортанно позвал всех внутрь. Таджики послушно набились в автобус, и мы тоже втиснулись последними.

Давка была такая, что нас прижало друг к другу, и мне пришлось обнять Дженни за талию – на ощупь через байковую пижаму она оказалась удивительно теплой и мягкой. Это было сейчас самое спокойное место посреди свихнувшегося мира. Похоже, Дженни тоже так думала.

– Куда мы теперь? – спросила она. – Мне как-то в общагу сейчас совсем не хочется.

– Поехали ко мне! – предложил я. – Поесть чего-нибудь приготовим...

– Поехали, – охотно согласилась Дженни.

В итоге автобус заехал на стоянку, забитую автобусами и людьми, и долго стоял с закрытыми дверями и выключенным двигателем. Наконец пришли какие-то парни с широким рулоном ткани цвета российского флага. Всех выпустили из автобуса. Парни, вооружившись бритвенным лезвием, принялись прямо на асфальте резать ткань на флаги и раздавать таджикам. А таджики стали кусочками скотча привязывать полотнища к черенкам от лопат.

– Экономней отрезай, не хватит, – ругался один из парней.

– Дай так квадраты, – огрызнулся его напарник.

Дженни как зачарованная наблюдала за этой картиной.

– Ты видишь то же самое, что и я? – спросила она, тревожно сжав мою ладонь.

– Не знаю. – Я пожал плечами. – А что видишь ты?

– Это флаг Франции. У России в центре синяя.

– Пойдем отсюда скорее, – решительно сказал я.

Но уйти оказалось непросто. Все вокруг было обставлено металлическими заграждениями, за которыми стояли молодые скучающие полицейские. Толпа медленно вваливалась в проход, становясь все плотнее и плотнее, но куда все движутся, было неясно. Иногда толпа останавливалась, затем начинала двигаться снова. Прямо передо мной маячила оранжевая жилетка, от которой пронзительно пахло асфальтом. Я крепко взял Дженни за руку, чтоб не потеряться, и предложил выбираться из потока вправо.

Как только справа появлялось место сделать шаг, мы смещались туда, и вскоре оранжевые жилетки сменились на вполне гражданские куртки, рубашки и вязаные безрукавки. Пару раз я подпрыгнул, чтобы посмотреть, что происходит, но видел лишь море голов, над которыми мелькали воздушные шары, транспаранты, обращенные к нам белой стороной, и флаги самых разных цветов – желтые, зеленые, оранжевые. Совсем недалеко от нас над головами хлопало даже старинное полковое знамя, напоминающее шторм: выцветший от времени золотой серп и молот на темно-красном бархате, с золотой бахромой и кистями.

Толпа все это время гудела, но невнятно. Вдруг какой-то мужик за нашими спинами ожил и принялся выкрикивать речовку хрипло и возмущенно:

– Кто!!! Сука!!! Если не Путин!!! – скандировал он. – Кто!!! Сука!!! Если не Путин!!! Я спрашиваю вас!!! Ответьте мне, кто?!! Кто!!! Сука!!!

Толпа невнятно загудела, а затем стала нестройно подхватывать.

– Слушай, – спросила Дженни, – а это за или против?

– Ты меня спрашиваешь? Понятия не имею. Вроде и выборы сто лет как закончились.

– Скажите, а митинг за или против? – обратилась Дженни к пожилой женщине в роговых очках с дужками, обмотанными зачем-то мятой и неряшливой фольгой.

Та посмотрела взглядом, полным ненависти и презрения. Стекла ее очков оказались с невероятным увеличением, поэтому ненависть выглядела огромной. Затем вдруг не выдержала и гортанно заклокотала:

– Провокаторы! Провокаторы! Вам все мало?! Все мало?!

– Давай срочно выбираться. – Я потянул Дженни за руку и принялся грубо расталкивать людей плечами.

Дело пошло заметно быстрее. Вокруг стоял дикий шум, мельтешили лица, а один раз мы даже повалили штатив с огромной камерой «НТВ+ +», который внезапно вырос из толпы перед нами. Напротив камеры стоял пузатый мужик в костюме клоуна, с рыжей шевелюрой, накладным носом и выбеленным лицом. Похоже, ему было без разницы, с кем разговаривать, потому что, когда штатив упал, он на полуслове повернулся к нам и, не меняя интонации, продолжал говорить вслед, пока между нами не сомкнулась толпа: «...социальные льготы и пассионарность гражданского населения. Эта пассионарность сохранилась сегодня только в

России как ответ на давление иностранных спецслужб. И здесь я хотел бы особо подчеркнуть два фактора, а именно...»

А потом толпа резко закончилась, и мы с размаху налетели на загородку, которую придерживал рукой здоровенный ушастый полицейский. На пальцах руки синела полустертая татуировка «ТУЛА».

– Куда прешь, – лениво пробасил он.

– Нам разрешено! – решительно сказал я.

– Матросы, что ли? – недоверчиво спросил полицейский, оглядывая нас, а затем раздвинул перед нами загородки. – Идите, но обратно уже не пушу, – пригрозил он.

Оказавшись на свободе, мы нырнули в арку и оказались на параллельной улочке. Здесь было тихо, хотя шум толпы доносился и сюда. А потом толпа зашумела сильнее, а из далеких динамиков заиграла грустная песня. Над крышей поднялась разноцветная стая воздушных шаров. Следом – огромная надувная голова, она обвела окрестности добрыми нарисованными глазами. За головой вылезли плечи и туловище с надувными рукавами, изображавшее деловой пиджак со строгим галстуком. И гигантское воздушное чучело медленно поплыло в небо, покачивая подошвами исполинских ботинок.

– Что это было? – спросил я ошарашенно.

В ответ послышался далекий выстрел, а через секунду в небе расцвели гроздья праздничного салюта, провожая улетающую фигуру. Дженни вдруг уткнулась мне в грудь.

– Я не могу больше! – всхлипнула она. – Верните меня в нормальный мир! Отпустите меня!

– Пойдем, пойдем, – сказал я, обнимая ее за плечи. – Просто надо научиться вести себя так, будто все вокруг нормально. Пойдем спрячемся, скоро все пройдет.

Но ничего не проходило. Над головой грохотал салют, а мы шли по улицам, стараясь не смотреть на вывески и лица прохожих, в каждом из которых было свое безумие.

Из огромной фуры с надписью «ТРАНС» прямо посреди бульвара выгружали один за другим новенькие диваны в полиэтилене и ставили в два этажа.

Огромный пакет кефира на человеческих ножках кинулся нам наперерез, размахивая ручками и бумажной папкой. Изнутри тонкий девичий голосок, приглушенный слоями картона, предложил поучаствовать в социальном опросе всего на пять минут и звонко выматерился нам вслед, когда мы прошли мимо, никак не реагируя.

Поперек дороги по земле тянулась здоровенная труба почти в человеческий рост, а через нее был выстроен деревянный переход с резными перилами и очень узкими ступеньками. Перед ним скапливалась очередь из прохожих. Какая-то бомжиха в драной меховой шубе деловито срывала с трубы пласты стекловаты и запихивала в свою клетчатую сумку на колесиках.

Крепкие тетки в одинаковых серых халатах и белых косынках, вооружившись ломami, методично выкорчевывали кирпичи тротуарной плитки и небрежно скидывали прямо на проезжую часть. За ними плелись трое хмурых мужиков с тачкой и лопатами и забрасывали освободившиеся дыры дымящимся асфальтом, разравнивая его сапогами.

Красная «ауди» с тонированными стеклами, устав тащиться в пробке за троллейбусом, вдруг взревела двигателем, подпрыгнула и вкатилась на бульвар, гулко стукнув днищем о бордюр. Она унеслась вперед по дорожке, распугивая пешеходов и мамаш с колясками, а чуть дальше мы уже видели, как она гудит с тротуара и сигналит фарами, пытаясь снова вклиниться в поток, причем за тем же самым троллейбусом.

Остальные машины выглядели не лучше. Один «жигуленок» ехал с открытым капотом, из-под которого валил черный дым. Когда капот открывался слишком высоко, водитель высывался по пояс из бокового окна и рукой слегка прикрывал его. В стальном кузове самосвала были насквозь прорезаны электросваркой громадные буквы «БГ433», и через них на дорогу плоскими струйками непрерывно тек песок. Старенький, но вполне уважаемый джип

вез на крыше обычный железный бак для мусора – грязный и подписанный масляной краской «ЯСЛИ-7». У маленькой «дэу» нежно-салатного цвета из распахнутой горловины бензобака торчал заправочный пистолет с обрывком шланга. Старинная «Волга» несла на своем капоте трехметровую иглу антенны – она с отяжкой стегала ветви каштанов, растущих вдоль дороги.

Припаркованные автомобили стояли совсем дико и в совершенно неожиданных местах. Но особенно меня почему-то поразил оранжевый эвакуатор: он торчал посреди тротуара, занимая все пространство, а прохожие обходили его по проезжей части. Судя по спущенным колесам и мусору, накиданному на площадку, стоял он здесь с зимы.

– Вот тут и живу, – сказал я Дженни, когда мы свернули во дворы и подошли к подъезду бетонной башни. – Заходи. Нам на последний этаж, лифт сейчас не работает.

– Сейчас не работает? – на всякий случай с ударением переспросила Дженни.

– Ну да. Его в будни утром выключают, а в шесть вечера снова включают. – Я покосился на нее. – Только меня не спрашивай зачем. Может, электричество для каких-нибудь окрестных цехов экономят. Я здесь третий год живу, всегда так было.

– Вот я и думаю, – вздохнула Дженни. – Если мы приняли препарат сегодня, то как же оно всегда так было?

Я пожал плечами.

– Ну, вот смотри, – продолжала Дженни, бодро шлепая по ступенькам резиновыми галошами, – у тебя на входе в дом целых четыре двери подряд, одна за другой. Четыре! Подряд! Это всегда так было?

– Ну да. Сначала кодовый замок, на второй – домофон, третья обычная, ну и четвертая железная...

– Ладно, а вот это что? – Дженни бесцеремонно указала пальцем.

– Это дядя Коля, – объяснил я. – Здравствуйте, дядя Коля.

– Здоров, – кивнул он, не отрываясь от экрана.

– А почему он сидит на лестнице в одних трусах?

– Ему дома жена курить запрещает.

– И он всегда так сидит?

– Нет, конечно. Зимой – в свитере.

– Но все равно сидит здесь? С телевизором на коленях? – допытывалась Дженни.

– Ну да... Пришли, вот моя квартира. – Я распахнул электрошток и вынул из тайника ключ.

Переступив порог, Дженни с любопытством озиралась.

– Скажи, а вот эти все ведра и тазы... – начала она.

– Это не мое, – перебил я. – Это хозяйки. Она здесь почти не бывает. А моя комната вот тут.

– Нет, просто я никогда не видела столько ведер. Зачем они ей?

– Она домашнее мыло варит.

– Домашнее мыло? – отчетливо переспросила Дженни, внимательно глядя на меня. – Мыло? Домашнее?

Я пожал плечами.

– И это нормально? – подытожила Дженни.

– Вроде того.

Дженни долго смотрела на меня, а затем вдруг облегченно рассмеялась.

– Ну, слава богу. Я уж боялась, что все три дня будет плющить. А тебя, я вижу, уже отпускает потихоньку. Значит, скоро и меня отпустит.

– Что-то я не уверен, что меня отпускает, – пробормотал я, заглядывая в холодильник. – Слушай, еды нет, давай я в магазин спущусь?

– Я с тобой! – быстро сказала Дженни.

– Хочешь переодеться? – предложил я. – Майку и штаны найду, а вот с обувью не уверен...

– Зачем? – удивилась Дженни. – В пижамах и пойдем, полгорода уже прошагали.

– Ну, теперь-то у нас есть во что переодеться.

– Так кругом же одни долбанутые, – возразила Дженни. – Чего мы будем выделяться?

– Тоже верно, – согласился я.

* * *

В магазинчике было немногочленно, и мы с Дженни неспешно шли вдоль стеллажей. Я рассматривал ценники и этикетки, которые попадались по пути.

– Знаешь, нет, – сказал я наконец. – Совсем меня не отпускает. Даже и не думает. Наоборот, все сильнее и сильнее накрывает.

– Ты уверен? – нахмурилась Дженни.

Я кивнул на коробку с кексиками:

– Вот это ты видишь, например?

Дженни присвистнула.

– Нет, ну, может, русский у них не родной, что они так фразы строят? – предположила она. – Хотя не до такой же степени: «коньячный спирт» без мягкого знака, а «пшеничная мука» – с мягким...

– Да это как раз ерунда, – отмахнулся я. – Ты на сам рисунок посмотри. Что они с осликом делают?

– Ой, блин... – не сдержалась Дженни и испуганно закрыла рот ладошкой.

– Ведь такое случайно не нарисуеть, верно?

Дженни кивнула, еще раз посмотрела на рисунок и покраснела.

– Давай возьмем, – сказала она решительно. – Покажем кому-нибудь. С кафедры психиатрии.

Мы пошли дальше, взяли сосисок, овощей и хлеба. Дженни остановилась у корзины с плюшевыми енотами, вынула одного и принялась рассматривать.

– Нравится? – с готовностью спросил я. – Берем, будет у тебя енот.

Дженни молча помотала головой.

– Если ты хочешь меня спросить, что делают плюшевые еноты в продуктовом магазине... – начал я.

– Почему у него из жопы белые ленты? – перебила Дженни. – Почему?

Я пригляделся. Действительно, прямо из задницы енота торчал целый пучок белых лент. Было их там три штуки – широкие, жесткие, длинные, чуть ли не пол метра, покрытые нескончаемыми абзацами убогистого текста на всех языках мира.

– Там написано, как стирать, – неуверенно объяснил я.

– Как люди научились стирать? – насмешливо переспросила Дженни. – Статьи из «Википедии»?

– Так всегда делают, – уверил я. – Вообще всегда. На всех игрушках мира. Не спрашивай меня зачем.

– Вшивают в жопу? – уточнила Дженни. – Намертво? Их же никогда оттуда не выдрать. Смотри!

Она вдруг намотала ленты на руку и потянула изо всех сил. Ленты не оторвались, но задница енота вдруг треснула, и на пол посыпалась пенопластовая крошка.

Дженни испуганно запихнула енота в глубину ящика, отскочила в сторону и сделала вид, что рассматривает этажерку с вином. Даже сняла одну из бутылок.

– Возьмем? – предложил я. – Отметим знакомство.

– Что-то я боюсь, как оно на алкоголь ляжет, – нахмурилась Дженни. – Я же тебе рассказывала, как меня мутило от таблетки в клубе.

Вдруг послышался окрик.

– Молодые люди! Матросы! Я вам говорю! – раздраженно повторила кассирша, грозно приподнимаясь над своей кассой. – Положите обратно! Для кого объявление висит?

Дженни испуганно вернула бутылку на место.

– В будни продажа алкоголя в Москве запрещена, – объяснила кассирша. – Только по выходным и праздникам. Не знаете, что ли?

Я покачал головой.

– Давно? – спросила Дженни тихо.

– С начала месяца, – ответила кассирша. – Вот приказ висит. Продажа любой продукции, содержащей алкоголь, в рабочие дни запрещена. Постановление правительства Москвы.

– Да мы и не собирались, – ответил я. – Просто смотрели.

– Просто смотреть вот сюда надо! – проворчала кассирша, снова указывая пальцем на ламинированные таблички, развешенные над кассой.

Мы подошли ближе и стали читать.

– А петрушка не продается вообще или тоже в рабочие дни? – аккуратно спросила Дженни кассиршу.

– Вообще, – процедила кассирша. – Там нашли наркотические вещества. Приказ главного санитарного врача Онищенко.

– Хорошо, а чеснок-то почему? – удивился я.

– Отравлений много было, – ответила кассирша и демонстративно отвернулась, качнув серьгами: в ее ушах на коротких серебряных цепочках висели маленькие пушистые мышата, изящно сшитые из какого-то породистого меха. Из попы каждого мышонка тянулся до плеча плоский белый ярлык с надписями на разных языках.

– А почему мобильными телефонами в торговом зале запрещено пользоваться? – спросила Дженни.

– Вам товар пробивать или вы мне нервы трепать будете? – вспыхнула кассирша. – Просто больные все какие-то... – с чувством добавила она, грозно махнув серьгами.

Я выложил перед кассой покупки. Кассирша ожесточенно тыкала в каждый предмет лазерным сканером, а затем всякий раз его откладывала и принималась набирать коды вручную. С пельменями она даже набрала код дважды.

– Марин! – вдруг заорала она в зал, поднимая голову. – Опять пельмени не пробиваются, посмотри код?

Ей никто не ответил.

– Не пробиваются, в базе нет, – сказала кассирша и бросила пельмени в ящик на полу.

Там уже лежали две такие же пачки, только сильно раскисшие. Следом кассирша схватила коробку с кексами и привычным движением швырнула ее туда же.

– А это сейчас вообще нельзя, – пояснила она. – Вы на упаковку смотрели?

Дженни густо покраснела. А я набрался наглости и все-таки поднял на кассиршу вопрошительный взгляд.

– Там в составе коньячный спирт, – объяснила кассирша. – С вас двести девяносто три семьдесят.

* * *

Дженни сидела в кресле, скрестив ноги. Перед ней лежал мой старенький ноутбук, она копалась в Интернете.

– Слушай, вообще трындец, – вдруг сказала она. – Другого слова нет.

– Что там?

– Госдума обсуждает вопрос установки счетчиков на канализационных трубах! Хотя нет, стоп... Пресс-секретарь тыры-пыры такая-то... успокоила журналистов, объяснив, что... Ага, ну, слава богу, пишут: законопроект не коснется самих жилых помещений! Вот перечислено: только государственных учреждений, предприятий, офисов... – Дженни замолчала, продолжая шевелить губами. – Хотя нет, коснется! А также санузлов, принадлежащих жилым помещениям в квартирах граждан.

– Это где такое? – спросил я устало.

– Да это везде! – Дженни подняла глаза. – Если конкретно – ленту новостей ИТАР-ТАСС читаю. Просто подряд. – Она снова уткнулась в экран. – В Кемерово неизвестные угнали тепловоз. Епископ брызнул в лицо журналистке расплавленным оловом. В Москве проезд по улице Обручева с сентября станет платным. Иран объявил... Ого! Иран объявил войну Египту и Венгрии! Командующий ВВС США заявил... – Дженни замерла с открытым ртом. – Стоп, это я вообще читать не буду. Вдруг оно от нашего внимания запускается? Так и нас с тобой разбомбят...

– За два дня не успеют, – возразил я. – Нам осталось-то два дня продержаться.

– Британские ученые обнаружили на орбите... – снова начала Дженни. – А, нет, пустяки. Президент России подписал указ о повышении пенсионного возраста до семидесяти пяти... Тоже ерунда. В Павлово охранник госпиталя... Чужь собачья. Стоп! В Павлово охранник госпиталя ФСБ прострелил пациенту здоровую ногу из-за брошенного окурка.

– Чего? – насторожился я.

– Дело закрыто за отсутствием состава преступления. – Дженни подняла на меня глаза: – Слушай, я не могу больше! Не могу!

– Успокойся, – сказал я, присаживаясь рядом и обнимая ее. – Надо просто потерпеть. Понимаешь?

Дженни всхлипнула и кивнула.

* * *

– Все! – сказала Дженни, едва переступив порог, и со злостью швырнула сумку с тетрадями в темноту коридора.

Загremели падающие ведра.

– Ну ладно тебе... – Я обнял ее и поцеловал. – Что опять стряслось?

– Четвертый день! – всхлипнула Дженни. – Четвертый уже пошел! А оно только хуже!

– Где?

– Да везде! – Дженни топнула ножкой. – Везде! Ты не видишь?

– Вижу, но терплю, – вздохнул я. – Сегодня даже в институт не пошел. А у тебя что нового?

– Ничего особенного! – с вызовом сказала Дженни. – По закону Божьему на нашем курсе будет не зачет, а курсовая. Выдавали сегодня темы, мне досталось «Мощи ли молочные зубы». Я не могу больше!!! Не могу!!!

Я решительно кивнул.

– Дженни, давай съездим в госпиталь? Ну, извинимся, что убежали, спросим, что делать. Одежду, опять же, может, отдадут.

– Мобилку, – кивнула Дженни. – Мобилку особенно жалко. И наушники.

Госпиталь почти не изменился. Только перед зданием теперь стояли два автобуса: второй был зеленый – с расплющенной мордой и без лобового стекла, зато с уцелевшей табличкой «ЗАКАЗНИК-2». Профессор возился внутри, вывинчивая что-то из кабины. Он был хмур, наше появление его не удивило, но и не обрадовало.

– Вы за деньгами? – спросил он с ходу. – Денег не будет. Вы убежали, мы так не договаривались.

– Послушайте... – начала Дженни.

– Не будет денег! – упрямо повторил профессор. – Нет у нас сейчас денег. Нету. Нам Рустама пришлось отмазывать, нет денег.

– Да не нужно нам ваших денег! – крикнул я с отчаянием. – Скажите просто, когда это кончится? Когда нас отпустит?!

Профессор удивленно посмотрел на нас.

– А я вас и не держу, – сказал он. – Зачем вы мне нужны? Поднимайтесь на пятый, Ксения вам одежду вернет. Ну и всего вам доброго.

– А препарат когда прекратит действовать? – спросила Дженни.

– Какой препарат? – удивился профессор. – А, вы про эксперимент, что ли? А все закончилось.

– Да не закончилось же! – закричали мы хором. – Он же не отпускает!

– Кто? – изумился профессор.

– Препарат!

– Вы с ума сошли? – Профессор отложил отвертку и вытер замасленные руки об халат. – Это плацебо.

– Что?!

Профессор заговорщицки подмигнул и сообщил доверительным шепотом:

– У нас нет никакого препарата. У нас и лаборатории уже давно нет. Просто есть проект, есть финансирование, и начальство требует отчетов. Так что мы пока проводим вторую половину эксперимента. Чтобы отчитаться хотя бы на пятьдесят процентов.

– Какую вторую половину? – не понял я.

– Контрольная группа, – объяснил профессор. – Вы ж медики, должны знать: в любом эксперименте половина испытуемых – контрольная группа. Они принимают не препарат, а просто воду. Вот это вы и были.

– Так, значит, – опешил я, – не было никакого препарата?

– Не было, – подтвердил профессор. – Я ж вам сразу намекнул, что никакого действия на ваш организм не будет. Помните? Правду я вам не мог сказать, потому что какой же тогда эксперимент? Но воду-то в стаканчики я набирал прямо при вас из крана. Или вы не обратили внимания?

Я замолчал потрясенно. Дженни тоже молчала.

– Так что же это получается? – наконец произнесла она одними губами. – Нас теперь уже никогда не отпустит?

К.А. Терина ФАТА-МОРГАНА

Вечером его ждет карусель. С этой скверной мыслью Майнц открыл глаза. И зачем вспомнил? Теперь весь день будет отравлен ожиданием карусельного небытия.

Майнц мрачно всматривался в серую хмарь барака, дышал глубоко, стараясь успокоить разошедшееся от дурных предчувствий сердце. Припоминал и не мог припомнить воронову считалочку, которой учил его когда-то северный человек Тымылык, уверяя, что считалочка эта защитит от всякой напасти.

Тымылык давно уже сгинул в упырях. Не помогла считалочка. Да и был ли он, Тымылык? Память – штука ненадежная. Карусель кромсает ее, вымарывая, как из негодной рукописи, то строчку, то абзац, то целые страницы. После электрической встряски память лихорадочно штопает дыры, вместо разрушенных тропок прокладывает новые, путанные, ненадежные. Стохастические. Ишь, слово-то какое мудреное, откуда только берутся такие в голове? Все карусель виновата. Сам не заметишь, как чужие слова станут твоими мыслями, а чужая байка – твоим прошлым. Нельзя верить памяти, искаленной десятками карусельных циклов и тысячью бессонных ночей.

Отдых у непокойника короткий. Триста минут – больше не положено, да и не требуется. От долгого отдыха непокойник может нечаянно уснуть, а сон для него – билет в один конец.

Прозвенел наконец колокол, отмечая на полотне дня первую зарубку: пять утра.

Загорелась тусклая лампочка под потолком. Зашуршали одеяла на соседних нарах. Сверху посыпался кашель – проснулся Вольтов. Бодро впрыгнул в валенки юный Алёшка, пропел фальшиво:

– Утро красит нежным светом!..

– Буратинушка, заткни пасть! – зло зашипели на Алёшку сверху. Тот улыбнулся широко, подмигнул Майнцу и вышел вон.

Майнц глядел ему вслед без одобрения. Одно слово – буратина. Полено нетесанное. Пришел Алёшка крайним этапом, был весел, полон раздражающего оптимизма. Состояние для буратины ненормальное. Свежий непокойник обыкновенно к окружающему миру равнодушен, двигается неловко, дергано, говорит коротко, неохотно. Будто всему учится заново.

Ничего, карусель из него дурь-то повыбьет. Подумал так Майнц – и тотчас устыдился нехорошей мысли. Карусель, жадная сука, съедает все человеческое.

– Лев Давидыч, подсоби! – позвал Вольтов. В углу медленно копошилось и хрипело то, что вчера еще было Марковским, высоким громогласным мужиком. Давно, до всего, Марковский, говорят, комэском был. Солдатики в атаки гонял. А теперь пожалуйста: уснул – и в упыри.

Майнц с Вольтовым вдвоем вынесли Марковского в сени, там его прибрали дневальные.

* * *

Предкарусельный день – самый тяжкий, пережить его едва ли не страшнее, чем карусель открутить. График составлен так ловко, чтобы лишнего грамма электричества непокойник не получал. Оттого последний день тянется как целый век. А ты попробуй протяни век в мертвой Москве.

Вдоль колонны, скрипя ржавыми сочленениями, двинулись карлы, сопровождаемые острым запахом солярки. Майнц слышал байки – карлы, мол, не полностью механические, а будто бы сидит в каждой специальный человек. Громады они, конечно, знатные, лилипут или ребе-

нок внутри всяко поместится. Да кто ж живого человека на такую работу поставит? Живых в наше время экономят, особенно детей. Живому наверх, в город, выбраться никак невозможно.

Равнодушные металлические щупальца карлы проверили Майнца на предмет контрабанды, беспощадно открывая холоду и без того промерзшие кости. Из контрабанды у Майнца были табак, завернутый в мятую бумажку, спички, тощая записная книжечка, исписанная убористым почерком, да огрызок карандаша. Табаком карлы не интересовались, а карандаш, спички и книжечку Майнц надежно припрятал в левом валенке.

Двинулись к выходу крытым коридором. Коридор этот проложен наружу мимо подземного подъемника. Потому карлы здесь злые и подозрительные. Нет-нет – а найдется непокойник, мечтающий вернуться вниз, в теплую Подземь, к живым. Таким карлы сразу хребет ломают, пощады не жди. Чтоб остальным неповадно было.

Коридор узкий, колонна по двое. Смотрит Майнц – рядом идет Алёшка.

Прошли первые ворота. Здесь крыша закончилась. Одна радость у непокойника – небо видит. Небо сизое, низкое; хмурые тучи нависли прямо над головой. Ничего в нем вроде и нет – а все равно утешает.

На востоке потянулась полоска рассвета, фиолетовая, неяркая. Видимости никакой: серый снег заместил собой воздух, набился в глаза и ноздри, хлещет по лицу.

– Вот тебе и весь рассвет, – сказал Алёшка таким тоном, будто продолжал прерванный разговор. – Ты, Лев Давидыч, помнишь, какие рассветы были раньше? Какое небо было?

Майнц не стал отвечать. Память непокойника – чужой альбом с семейными фотокарточками. Листаешь его равнодушно, думая: скорей бы последняя страница. Но иной раз среди парадных портретов и замысловатых интерьеров попадется деталь, от которой сердце замирает и в глазах появляется резь. Ты и сам не помнишь, почему тебе так важна эта надколота чашка в руках у чужого младенца. Или потрескавшиеся обои за спиной незнакомки. Но тоска накрывает – хоть плачь.

За воротами жестянок меньше, и бдительность они сбавляют. За воротами дёру дать – дураков нет. Здесь уже карлы как бы и не надзирают, а охраняют. Мало ли что. Иной раз пройдут по спине щупальцем, но нежно так, для порядка.

Подступил, взял за горло, пробрался во все косточки жгучий мороз. Даже Алёшка притих. Буратина буратиной, а понимает – тепло свое, не казенное. Беречь его надо, а не на пустые разговоры тратить.

Прошли по мосту на Балчуг, где круглые сутки дымит Раушская электростанция. На станцию вчера еще отписал Майнца бригадир – проинспектировать исправность труб вместо постоянного станционного мастера, который нежданно угодил в упыри. Теперь Майнц прикидывал, как изловчиться, чтоб не остаться приписанным к станции. С одной стороны, это, считай, повышение. И работа непыльная, если руки с нужной стороны приделаны. С другой – станционные всегда у карл на виду, оттого их чаще гоняют на торфы – без всякой очереди. А торф из-под льда копать – хуже нет работы для непокойника.

– Ты, Лев Давидыч, сколько уже здесь? – снова вступил Алёшка. Майнц привычно смолчал, только покосился на буратину неодобрительно: молодой совсем, чуть за двадцать; лицо открытое, безволосое, характер незлобивый. И чем не угодил? Предчувствие беды грызло Майнца острыми зубами.

– Да ты хоть слово ответь, Лев Давидыч! Люди же, не карлы железные. Разговаривать надо! Общаться.

Вот ведь привязчивый. Три дня – с тех пор, как доставили свежих буратин из Подземы, – ходил Алёшка за Майнцем хвостом. Ни к кому больше не лип. Другой на его месте уже проучил бы Алёшку как следует. А Майнц отворачивался да отмалчивался – авось буратина сам отвяжется. Припоминал полоумную старушку из Александровского сада. На нее случайно,

вскользь, глянешь, и она тотчас принимается рассказывать историю своего семейства от сотворения мира. Таков был и Алёшка.

Шагал буратина легко, пружинисто. Не умел еще беречь энергию. Не пришлось ему последний день до карусели дотягивать на жалких крохах, да чтоб сердце колотилось и в глазах темнота. А ты знай работай. Иначе от карлы по хребту получишь ржавым щупальцем.

Майнц двигался осторожно, без лишней торопливости, каждый шаг отмеряя точно по линейке.

На Садовнической случился затор. Что впереди – не разглядеть. Пошел шепоток, что карлы завели какую-то новую проверку на входе в электростанцию. Строй рассыпался, разбился на группы, кое-кто закурил. Наверху, в городе, всегда так: дисциплина улетучивается сама собой. Карлы засуетились, зашипели динамиками. Прошлись легонько по непокойничьим спинам щупальцами – равнодушно, без злости. Досталось и Майнцу – самую малость. Битые непокойники на карл ноль внимания: разговоров не прекращают, папиросы не выбрасывают. А Алёшка хмурится, кулаки сжимает. Майнц слова сказать не успел – буратина камень поднял, какой поувесистей, да в карлу запулил со всей дури буратинской. На мгновение будто замер мир. А потом поехало. Карла пошатнулся на куриных своих лапах, всколыхнулся ржавой тушей, грозно зашипел динамиками, заскрежетал. Мать! Майнц так и присел. Обернется сейчас карла – разбирать не станет, который тут такой храбрый. Щупальцем сломит надвое, и всей радости Майнцу останется – в упырях вечность. А не сломит – в длительное отправят, на торфах косточки морозить.

Одно хорошо: разворачиваются карлы неуклюже. Хитрые их механизмы не для того приспособлены, чтобы балеринские пируэты выдавать.

Алёшка, не будь дурак, сквозанул в проулок, ну и Майнц за ним – прятаться надо, а там уже думать.

Дальше пошло совсем наперекосяк. Догнало Майнца щупальцем, самым краем, но теперь уже всерьез. И не то плохо было, что спина горела от большого удара, а то, что карла мог его запомнить.

Переулками, переулками вышли к мосту. Сейчас бы к электростанции завернуть да затаиться, пока карла перебесится... Нет, не выйдет номер. У ворот трое карл караулят, злющие. Ждут. Делать нечего: помчался вслед за Алёшкой через реку чуть не к самому Кремлю. За мостом оглянулся – не вернуться ли? Не вернуться: у моста карлы собираются, щупальцами шевелят, совещаются.

* * *

Самое страшное – тишина. В бараках ли, на работах – абсолютной тишины никогда не случается: то карла пройдет, шипя динамиком, то свой же брат непокойник закашляется или захрапит. Это даже при таком сферическом условии, что никто баек в углу не травит, не перешептывается и не поет.

Другое дело – мертвый город. Пока ветер завывает – еще ничего. А ну как затихнет?

Майнц припал спиной к каменной кладке, затаил дыхание. И накрыло его ватной тишиной. Тишина эта Майнцу представлялась существом – недобрым, темным. Тишина пряталась за углом и в подвале, сквозила по лестницам заброшенных домов. И смотрела.

Алёшка остановился рядом, дышит тяжело. А глазищи так и светятся. Тьфу, дурачина!

– Славно пробежались, а, Лев Давидыч?

– Да чтоб тебе провалиться, буратина ты эдакая! На торфы хочешь загреметь – дело твое, меня-то за собой зачем тянешь?

– А я уж было подумал, что вы говорить разучились, – усмехнулся Алёшка. – Хотя б для того стоило побегать, чтоб вы мне отвечать стали.

– Ты зачем, собака, в карлу камень бросил?

– Так я ж за вас вступился!

Вот дурачина. Ишь, вступился он. Он, поди, и благодарности ждет. Не понять ему, полену, Майнцевой беды. Последнее дело бегать так, когда электры едва-едва осталось: в глазах темнеет, сердце из груди рвется.

Алёшка отдышится – и снова будет человек, у него электры еще на месяц. А Майнцу нехорошо.

– За мной не ходи, – сказал Майнц строго. – Сам кашу заварил, сам и расхлебывай.

Шатаясь и припадая на левую ногу, пошел он прочь.

* * *

А страшной тишины только фата-моргана.

За углом снежная хмарь закончилась. А началась дивная весна, и черемуха, и тенистые аллеи парка. Майнц прямо-таки закачался от запаха этой весны.

Важно семенили по тропинке старушки-гусыни, беседуя о старушечьих своих делах. Мальчик лет пяти разогнался на велосипеде – упал. Майнц разглядел, как струится кровь из ударенной коленки.

Порыв ветра сорвал лепестки черемухи, и они, играя в лучах света, падали, падали, падали.

На скамейке устроилась молоденькая студенточка с шариком мороженого на вафле. И так, и эдак примеривалась, как бы половчее надкусить. Подле нее читала книжицу барышня в белом крепдешиновом сарафане. Левой рукой покачивала детскую коляску. Прошел фронт в шляпе, полосатый весь, с кучерявой собакой на поводке – всякому ясно, иностранец или писатель. У тележки цветочницы приостановился, выбрал себе колокольчик в петличку. Пижон.

Майнц совсем было собрался своею рукой проверить, каковы на ощупь деревья эти, скамейки и барышни, когда заметил на аллее Алёшку. Очень уж нелеп получился непокойник на эдаком фоне. Теперь только разглядел Майнц, как бледен буратина лицом, увидел ввалившиеся глаза его и щеки, грязную, вовсе неуместную в весенней свежести одежду – валенки эти да штаны ватные, телогрейку, шапку с ушами.

Рядом с крепдешиновой барышней и коляской Алёшка остановился. Присел на самый краешек скамейки – осторожно, как бы не запачкать. Стал смотреть в книжку. Руки Алёшка упер в колени и вообще вид имел самый смущенный. Наклонился над коляской, сказал что-то младенцу. Потом вздохнул тяжело и пошел прочь, отворачивая лицо.

Майнц достал из-за пазухи коричневую бумажку, в которую у него был завернут табак. Здесь же, с табаком, и газетка была припрятана.

Оглянулся еще раз на аллею. Таяла фата-моргана, порванная ледяными порывами ветра, занесенная колючим снегом. Сквозь призрачные деревья просвечивали серые руины и голодные черные дыры обледелых переулков.

На запорошенной снежной скамейке осталась только барышня в крепдешине. Уже почти прозрачная, она продолжала читать книжку, не замечая холода и снега.

К Майнцу подошел Алёшка.

– Жена моя, – сообщил буднично. – Верочка. А в коляске – сын, Андрюха.

Что ответить, Майнц не нашелся. Не одного человека свели с ума фата-морганы. Но чтоб за непокойников брались, такого не бывало. Всё больше живых донимали. Давно уже этих фата-морган никто не видел, а было время, когда цеплялись еще люди за поверхность, полный город таких призраков ходил наравне с живыми.

Вниз, в подземелья, люди не столько ото льда и мертвого воздуха бежали, сколько от них – от фата-морган.

Майнц отмерил щепотку табака, протянул на обрывке газеты Алёшке. Тот с благодарностью принял.

– Раньше-то как было. Смена здесь, смена там. Здесь засну, там проснусь. – Алёшка, не имея мундштука, ловко скрутил козью ножку, задымил.

– Контра ты, Алёшка, – не удержался Майнц. – Страсти какие рассказываешь. Был бы живой, расстреляли б.

Алёшка ухмыльнулся как-то неправильно – легкомысленно, что ли.

– Пусть бы и расстреляли. Чем так.

Историй таких Майнц слышал немало. Их приносили из-под земли буратины, не прошедшие первую свою карусель. Рассказы становились легендами, обрастали домысленными подробностями.

Что-де во сне-то мир остался прежним, и неизвестно еще, какой из миров – настоящее. Что никакого Ускорителя там не было, а город цел, и цветут сады. Снилось многим, а болтали не все. Тех, кто поговорливее, расстреливали без суда. Соображений было два: чтоб не подрывали моральную целостность строителей Подземы да чтоб не болтали, какие там новые политические веяния в якобы настоящем мире им наснились.

Сам-то Майнц, конечно, ничего такого не помнил – карусель начисто вымарала его память о досмертном существовании.

– Я все думал – головой повредился, – продолжил Алёшка. – К доктору ходил. А когда Димка, аспирант, проговорился, что с ним та же история, – тогда-то я испугался по-настоящему.

– Ладно врать! Какие теперь аспиранты?

– Да не здесь же. Там... – Алёшка махнул рукой в сторону исчезнувших уже аллей. – А потом прекратилось. Только вот я остался на этой стороне, а не на той. Снов нет – как отрезало. Засыпаю – и чернота. Просыпаюсь – опять здесь. Точно в кошмар провалился.

Что тут ответишь? Душевное нездоровье со смертью никуда не исчезает. Случалось ему видеть непокойников с разными фанабериями. Исправляла все карусель, равняла всех под одну гребенку. И правильно. Оно спокойнее, когда рядом свой же, понятный непокойник, а не безумец какой.

Алёшка наклонился к Майнцу. Глаза внимательные, брови хмурые.

– Скажите, Лев Давидыч, фата-моргана – она, по-вашему, что такое?

Тут Майнцу отвечать было нечего. Потому он просто покачал головой, боясь перечить нездоровому буратине. Алёшке ответа и не требовалось, ему рассказать жгло:

– А я так думаю: мир разделился надвое. Один живой. Там цветы, солнечный свет и весна. Второй – мертвый. Здесь черный лед, серый снег. И мертвяки. Вопрос только: отчего это случилось. Кто виноват?

– Тут и гадать нечего: Ускоритель виноват.

– Так ведь не было никакого Ускорителя! Там – не было.

Как с таким разговаривать? Если уж вбил себе в голову какую ересь, никакими словами не переубедишь. Что без толку силы тратить? Для воспитания карусель есть. Она и не таких равняла.

– А вы бы, Лев Давидыч, какой мир выбрали?

– Так если б от меня зависело! Мое-то слово что решит?

– А вдруг? Вдруг именно ваше и решает? – Глаза Алёшки горели теперь безумным, ярким блеском глубины неимоверной – и будто отражался в нем тот самый сказочный мир из снов и фата-морган, где не было никогда Ускорителя и город был жив.

Чтоб закончить бесполезный разговор, Майнц сказал весомо:

– Умер-то – и здесь ты, а не там. Значит, здесь оно понастоящему будет.

Сказав так, Майнц затушил докуренную папиросу, припрятал мундштук и пошел к подъезду, который приметил для разведки.

Алёшка увязался следом. Майнц не стал его гнать: на смену злости пришли практические соображения – вдвоем в мертвом городе всяко спокойнее.

* * *

Майнц медленно взбирался по лестнице вверх, не забывая слушать медленное свое сердце. Алёшке он велел ждать внизу, сторожить приоткрытую дверь подъезда – чтоб не захлопнулась.

Сквозь прорехи в стене открывался панорамный вид на Кремль – разрушенный, посеревший, утративший свою гармоническую красоту. В чудом уцелевших башнях зияли неровные дыры. Майнц вообразил, как седыми призраками бродят по разрушенному зданию наркомы и секретари, смотрят внимательно несуществующие бумаги, подписывают указы прозрачными чернилами. А внизу, в гараже, водитель льет бензин в бак «паккарда», не замечая битых стекол, проржавевшей обшивки и потрескавшейся краски.

На крыше лютовал ветер. Майнц, прищурившись и ладонью прикрыв глаза от снега, стал смотреть вниз.

Дело было швах. На подмогу обиженному карле собрались десятки его металлических сородичей. Мост и подходы к электростанции они перегородили намертво. По всему выходило, решили обидчиков обратно в лагерь не пускать. Проучить то есть.

Беды в том большой нет – на воле ночевать. Страху натерпишься, косточки заморозишь до боли. Голодность будет повышенная – это так, ерунда.

Карлы завтра уже забудут об обиде, память у них электрическая, короткая. Да и отчетность строгая. Непокойник, конечно, ценность нынче невеликая, один вмерз в стену, четверо этапом придут. А все ж электра на него трачена. Отведен был карлам порог производственных потерь: три непокойника на месяц. Не станут они долго лютовать.

Майнца терзала мысль о карусели. Четыре недели есть у непокойника, чтоб сносить старую Электру. Не бывает такого, чтоб подлецы-рассчетчики выдали электры с запасом. Майнц чувствовал, как медленнеет организм, соловееет. Хотелось глаза закрыть, приткнуться в уголке и уснуть.

Спать непокойнику нельзя. Научный факт: от сна нарушается функция электры, ломается какой-то ее порядок – и все, пиши пропало. Будешь как Марковский: хрипеть да ногтями пол царапать. А после свезут тебя в Третьяковку. Раньше-то упырей в землю зарывали, а потом смекнули: зачем беспокойных мертвяков рядом держать, когда наверху целый город для хранения отстроен? Стали свозить в уцелевшие здания, да и запирают там.

Идешь по мертвой Москве, тишину слушаешь, а они тебе, упыри-то, из зданий шепчут.

Майнц поспешил вниз. Никак нельзя было откладывать возвращение. Алёшке всего-то бед – ночь без пайки да на морозе, у него электры еще на троих хватит. А Майнцу в упыри неохота.

Карусель теперь виделась ему желанным маяком в опасной тьме, где неверный шаг вел к упырству и бессмысленной черной вечности.

И все же карусель была страшна – простыми словами не опишешь. Да и не говорят о таком непокойники, тема-то интимная, все равно что белье обсуждать. Но не бывало такого, чтобы непокойник с охотой шел карусель крутить. Или мечтал бы, как поскорее до нее добраться. Кому расскажешь – засмеют.

Майнц вынырнул из темной дыры подъезда, кивнул Алёшке и пошел на север, прочь от Балчуга. Был у Майнца в запасе способ пробраться на Балчуг в обход карл. Круглой путь, обна-

руженный едва ли не десять лет назад при работах в погостном тоннеле и тогда еще подробно записанный в книжечку. Оставалось надеяться, что за годы не зарос этот путь упырями и льдом.

Шли молча. Алёшка порывался было сказать что-то или спросить, но морозный воздух обернулся другом Майнцу: сковал болтливого буратину, окутал. Ветер хозяйски гулял по переулкам, жестоко хлестал по лицу, не то что говорить – думать возможно было разве только о следующем шаге. Правой.левой.

Майнц хитрым переулком по-над стеночкой да под арочкой выбрался на Никольскую и повернул на площадь Дзержинского. От площади мало что сохранилось. Остатки зданий уродливыми рваными тенями проступали сквозь пелену снега. Чернели меж каменных обломков суровые проржавевшие лица метростроевцев. Выпуклые арочные входы в вестибюль метро были завалены, но Майнц знал дверку с боковой стороны и сразу пошел к ней.

Дверь вмерзла в косяк, Майнц дернул ее раз, другой и позвал Алёшку на помощь. Здесь же найденным куском арматуры Алёшка посшибал лед из щелей. Вдвоем открыли.

В вестибюле в мусорном сухом углу посреди бетонных обломков приберег когда-то Майнц охапку газет. Вот, стало быть, и пригодились.

Газеты пахли пылью, рассыпались, зато не отсырели. Майнц снял варежки. Одну газету оставил себе, остальные вручил Алёшке. Скрутил из трухлявой бумаги подобие факела, чиркнул спичкой.

Газета занялась. Кое-как огонь разбавил чернильную тьму, выпятились на стене медные буквы: «Московский метрополитен им. Л.М. Кагановича». Майнц пошел к эскалаторам. Эскалаторы, понятно, были завалены под завязку. Но уж Майнц-то тропку знал. Где на четвереньках, где ползком, потушив газеты, кое-как протиснулись вниз. На то непокойник худ и верток, чтобы всюду пролезть.

Станция, сверкавшая когда-то белизной, покрыта была теперь толстым слоем серой пыли.

Майнц сразу свернул направо, по вертикальной лесенке спустился прямо на рельсы и, не дожидаясь Алёшку, пошел в темный тоннель.

* * *

Здесь уже ватной городской тишины не было. В тоннель помалу добирался шум верхних этажей Подземы. Не был еще слышен, но угадывался опытным ухом.

Идти по тоннелю было удобно, но вел он к «Охотнорядской», вовсе не в ту степь, в какую нужно. Майнц слышал байки, что по этому тоннелю можно добраться до самого Ускорителя, но проверять не решался. Кольцо Ускорителя, прорытое под землей, отчего-то страшило его невероятно. Одно только слово «Ускоритель» заставляло Майнца кутаться потеплее и подозрительно оглядываться вокруг, точно Ускоритель был слепым демоном и выискивал себе жертв среди болтливых непокойников.

Шли в темноте, экономя газеты и спички.

Майнц планами с Алёшкой не делился, а тот крепок был – вопросов не задавал, разбавлял путь нелепыми студенческими байками, которые неуместностью своей в холодном подземном тоннеле поспорить могли разве что с кремовым тортом.

– ...а на экзамен он непременно с газетой приходил. И газету этак широко разворачивал, читал. Уже чудак. Но слушайте дальше. Другой бы на его месте газету такую резко опустил – и сразу знает, кто списывает, а кто, значит, сам... А этот был не таков! Он газетой шелестел минут пять, прежде чем поверх нее взглянуть.

– Ты меня, Алёшка, извини, конечно. Но эти твои профессора – они мне до лампочки, – сказал Майнц, зажигая газетный факел. На память Майнц не полагался, а заметка в книжечке подсказывала, что слева скоро будет неприметная дверца.

Была – да сплыла. Глаза Майнцева, уставшие, умирающие, не хотели видеть в сплошной темной стене дверцу.

Майнц остановился, стал слушать, как сыплет промерзшая крошка с потолка, капает где-то впереди подтаявший от случайного подземного тепла лед. Как скрипят Алёшкины валенки по сгнившим шпалам. Как давит, давит, давит сверху близкая мертвость города.

Заметив, как напряженно вслушивается Майнц в тишину, Алёшка так и застыл с открытым ртом, не решаясь сказать. Постоял с пол минуты, не удержался:

– Так ведь это о вас все, Лев Давидыч! Вы тот профессор и есть!

Ох, мать твою ять! С одной стороны – куда уж хуже беда, чем бегство от карл и скорое упырьство в перспективе. А с другой – вот она, электрическая горячка, один в один все симптомы. Эскулапы, сволочи, повадились отправлять буратин наверх недодержанными, и нате вам результат. Расхлебывай, Лев Давидыч.

С горячным буратиной держаться следует спокойно, но строго. Не подкармливай бред – он и улетучится. Со временем. А если не улетучится, так карусель ошибки эскулапские выправит.

Майнц обернулся к Алёшке, сказал с расстановкой:

– Еще что подобное услышу – бить буду. И больно.

Угроза эта была пустая, конечно. Куда там Майнцу, хилому и рассыпающемуся, побить новехонького Алёшку.

– Лев Давидыч... – завел было Алёшка свою пластинку заново, но под недобрый взглядом Майнца сник.

В наступившей тишине Майнц услышал наконец: слева, в метре, шипит-шумит пар за стеной, тихонько сочится из ржавой трубы. И уже зная наверное, где искать, разглядел. Вот она, дверка, спряталась.

* * *

Через каморочку техническую метровскую знал Майнц дорогу к новому тоннелю – узкому, оставшемуся от строителей Подземи. Делали второпях, тоннель забили под завязку строительным мусором, да и забыли. Через завал этот Майнц опять знал тропку. За годы она осыпалась, запаршивела, но, несколько разгребя, перебрались в другой тоннель. Был это, по сути, технический этаж нижнего города, нулевой. Как раз над первым, значит.

Первый подземный этаж – все одно что погост. Сюда свозят мертвецов со всей Подземи, прежде чем отправить их в город. Смешно выходит: жили наверху, мертвецов в землю складывали. Теперь вот наоборот.

На первом этаже, погостовом, из мертвецов непокойников делают.

Стать непокойником просто. Сперва, понятно, нужно умереть. И тогда тебя, обездвиженного, немного, приносят на погост – к медикам то есть. Лежишь ты в коридоре или в палате – это как повезет. Смотришь в потолок, если глаза открыты. В себя, если закрыты. Чувствуешь, как медленно, по капле истончается разум, мутнеет сознание. Обычно стараются мертвяков не передерживать, но всякое бывает. Иной раз в самый последний момент придет за тобой эскулап. Эскулапа тоже можно понять. У него рабочий день ненормированный.

Сразу после укола электры всяк по-разному себя ведет. Какие смиренно ждут этапа, другие с ума свинчивают – тем смирительную рубашку и в карцер. Не со зла, для порядка. Раньше после укола в общую палату складывали на сутки – пока Электра с организмом замирится. Сейчас, говорят, не допускают такого гуманизма. Дело отлажено, дозы подобраны, рука набита. А в результате все чаще случаются такие вот Алёшки с горящими глазами.

Если после укола мертвец кажется спокойным – не верь. Значит, все бури он переживает внутри себя. Электра впивается в упряющийся организм, встряхивает его, словно стальными нитями окутывает мозг и пускает электрический ток.

Заряда этого хватит на месяц, а дальше электра станет мертвой, как и сам непокойник. Тут уж его ведут на карусель – заряжать новой Электрой.

* * *

– Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее! – голос доносится откуда-то издалека, словно бы по радио.

И другой голос, казенный, дикторский:

– Величайшая победа нашей науки, нашей техники, нашего мужества...

* * *

Майнц открыл глаза. Только моргнул – и едва не уснул.

Были они уже в узком воздухоходе прямо над медиками. Ползли на четвереньках.

Алёшка остановился, вгляделся вниз сквозь частую решетку. Видно там было не много: кусок коридора, прямо у эскулапской. Вдоль стен на койках по трое сложены были мертвяки, еще не заряженные, снулые. Если присмотреться, увидеть можно, как медленно шевелят они пальцами, как открывают рот в беззвучном стоне. Оставь таких на сутки – будут готовые упыри.

Промелькнула в коридоре равнодушная карлина туша, размахивая щупальцами.

Что-то неправильное было в Алёшкином взгляде. Точно упырей видел он впервые. Нелепость.

* * *

Где ползком, где волчком, добрались наконец до заброшенного погостного тоннеля. Над ним была река, и за ней – Балчуг.

Тоннель – земляной, укрепленный деревянными сваями. Строился когда-то как временный и, по обыкновенному строительскому безразличию, был забыт и не завален.

Газет осталось совсем мало, шли в темноте. Молчали. Майнц насчитал, что обед-то всяко пропустили, а вот к ужину поспеют, если удачно выберутся наверх.

Зашевелилась впереди земля, посыпалась мерзлыми комьями.

– Ну-ка, посвети, – сказал Майнц чуть слышно.

Алёшка послушно скрутил факел, чиркнул спичкой. Грязную, бледную, разглядел Майнц кисть руки. Медленно шевелилась она, щупая воздух.

Алёшка отскочил в сторону, неловко схватился за сваю, чтоб не упасть. Стал оглядываться по сторонам, размахивая горячей газетой. Майнц тоже осмотрелся, но без торопливости, с достоинством. Тут и там видны были где руки, а где и ноги, медленно, по-улиточьи шевелящиеся. Сверху глядел безумный пронзительно зеленый глаз.

– Докопались, голубчики, – прошептал Майнц. Зрелище это было печальное, но вполне ожидаемое. Алёшка смотрел пришибленно, от огарка газеты поджег следующую – опасался в темноте-то с упырями.

– Ну, ну, – успокоил его Майнц. – Не стой, пойдем. Знаешь, что за место? Погостный тоннель зовется.

Алёшка пошел по самому центру коридора, согнувшись вдвое, чтобы случайно не коснуться ледяной упыриной руки или ноги. Майнца он вроде как и не слушал, но тому интересно стало рассказать:

– Сюда упырей свозили со всей Москвы, когда еще живые под землю не перебрались. А потом уже и подземных, тоннелем. Недолго, правда. Догадались потом наверх поднимать. А теперь, смотри – ползут, родимые.

Тут газета погасла, а новую Алёшка зажигать не стал.

Пошли в темноте, слыша ясно со всех сторон хрип и шорох скребущих упырей. Надо же, дивился Майнц, как быстро прогрызли землю. За несколько лет всего откопались, подлецы.

* * *

Трава. Зеленая. Солнце в глаза. Маленький белый кораблик идет по реке. Сейчас подняться, дойти до обрыва, да и прыгнуть в студеную воду. До самого песчаного дна дотянуться рукой...

* * *

И не совсем уснул, кое-как проскальзывает черная реальность, долбит, долбит: не спи, собака.

Открыл глаза он с тяжким вдохом, точно вынырнул из-под глади водной – ахтиандр...

Видит: Алёшка над ним склонился, догорающей газеткой в лицо светит. И будто вечность тут сидел. И смотрел напряженно так, выжидаяще. Майнц поднялся, отряхнулся.

– Что ж ты, буратина эдакая, спать мне даешь? – спросил укоризненно, глядя Алёшке в глаза.

А глаза-то у Алёшки неправильные. Не бывает таких глаз у непокойника. Чистые, синие, ни пятнышка. Спросить? Так ведь не ответит же, гаденыш.

Левой рукой в кармане Майнц нащупал гвоздь – длинный, ржавый, давно еще припрятанный. Уж и не гадал, для какого дела снадобится. А вот смотри.

С ловкостью, на какую электры хватало, выхватил руку с гвоздем и полоснул Алёшку по щеке. Буратина дернулся, ухватился ладонью за рану, а у самого глаза телячьи.

– Руку отыми! – приказал Майнц. Алёшка замотал головой. Но уже сквозь пальцы просочилась, потекла по руке кровь. Красная, живая.

У непокойника крови нет. Вместо крови течет у него в жилах серебристая плазма – электра.

* * *

Зачем же ты, дурашка, живой в непокойники записался?

Я ведь как понял, что творится, – всю Подземь обошел. Вас искал. Потом в архивы зарылся: у них там, внизу, каждый непокойник посчитан. Да я б и убился, чтоб до вас добраться, только, говорят, у непокойника память отшибает начисто.

– Врут. Не начисто. Вот после карусели – да, отшибет.

– Это уж я заметил... Вы простите меня, Лев Давидыч, но что ж эта сука-карусель с вами сделала?

Майнц проигнорировал вопрос. А Алёшке ответов и не требовалось. Его прорвало. Непокойник с электрической горячкой – одно дело. Пациент непростой, но предсказуемый. Отвечай ему строго, держи в рамках, близко не подпускай – а там и карусель скоро, выправит эскула-

повы ошибки. А с живым безумцем как поступать? Ничего не остается, кроме как слушать и кивать.

В подвале электростанции было сыро. На трубах собирался конденсат и медленно капал на земляной пол.

Зато здесь имелаась лампочка. Майнц нащупал ее в темноте, вкрутил до конца – стало светло. Аккуратно сложил трухлявые половицы над лазом, присыпал землей, притоптал. Сколько времени внизу провели? Окошка в подвале не было, надобно наверх выбираться. Иначе никак не поймешь.

Отчего-то муторно было. Давило лапой какой-то черной, скребло. Спать хотелось неимоверно.

Надо выбираться. На свет. К своим, покойникам.

Ан нет. Не так все просто.

Алёшка встал у лестницы. Брови сурово сдвинуты, глаза горят. Лицо злое.

– Я вижу, вы, Лев Давидыч, меня за безумца держите. Все киваете да молчите. Это ничего. Не верьте, ваше дело. А выслушайте до конца.

Майнц сил в себе не чувствовал никаких. Не то что драться, по лестнице подняться сможет ли?

Он сел здесь же, прислонившись к кирпичной стене.

– Ну, говори.

Алёшка заспешил, глотая звуки, забоялся, видно, как бы не передумал Майнц, не ушел, не дослушав его важных слов:

– Январь был. Гололедица страшная. Я взялся отвезти вас в Дубну. Я во всем виноват, я один! Я ведь вождению едва выучился, ездил осторожно. А тут – выпендриться решил! Как же – самого Майнца везу! Вырулил на встречу, а там – самосвал этот. Мне б чуть правее взять – и разошлись бы как пить дать. А я, дурак, по тормозам вдарил. Машину, конечно, тотчас завертело на льду, и самосвал впечатался аккурат в бочину – там, где вы сидели, Лев Давидыч... На мне, главное, не царапины, а вас едва не по кусочкам собирали.

Тут-то Алёшка и попался. Складно рассказывает, живчик, так ведь и у Майнца своя правда есть.

– Это в каком, говоришь, январе было? Сколько лет-то прошло?

– Каких лет, Лев Давидыч! Три месяца прошло. Четыре от силы.

Майнц достал из валенка книжечку, пролистал.

– Видишь? – Показал Алёшке страничку, исписанную косыми палочками, какие пишут в прописях первоклашки. – Видишь пометки? Каждая рисочка – месяц. От карусели до карусели. И это я еще не сразу сообразил отмечать. Знаешь, сколько их здесь, рисочек? Двести тридцать штук. А это, брат, считай, двадцать лет. Двадцать! А ты говоришь – три месяца. И потом. Ты сам себя-то послушай. Да разве ж я профессор? Профессора – они по-ученому выражаются. Формулы, фуёрмулы, интегралы. А меня послушать?

– Сами говорите, карусель всех равняет! Слушайте дальше, я не все сказал. Перед аварией о чем мы разговаривали, а?

– О чем же? – спросил Майнц без интереса. Пусть выговорится, авось полегчает.

– Вы рассуждали – мы, мол, теоретики, иной раз хуже практиков. Пускай эксперименты наши мысленные – но зачем такие зверства? Один кошку норовит в ящик с отравой посадить, другой воображаемое ружье себе в лоб нацелит. А вы, Лев Давидыч, хуже любого Шрёдингера – ваши слова, не мои! Нельзя, говорили вы, даже воображать некоторые вещи – человеческая мысль физикой не изучена. Кто знает, не сидит ли и теперь где-то эта несчастная кошка в коробке! Не стоит ли где-то в пустыне человек, на которого десятилетиями нацелено ружье? Сокрушались, что одним своим мысленным экспериментом обскакали всех, не только теоретиков, но и практиков! Двадцать лет прошло, а вы все подробности помнили, все расчеты!

Алёшка расписывал так живо, что Майнц на секунду будто в черную дыру провалился в его, Алёшкино, безумие.

Представил, как сидит в автомобиле, измученный жаркой печкой, в распахнутом пальто, с каракулевой шапкой и портфелем на коленях. Как увлеченно спорит с Алёшкой, доказывая что-то настолько очевидное, что даже говорить о таком вслух – форменное неуважение к себе-седнику, с его, Майнца, точки зрения.

Майнц в автомобиле во всем был противоположностью Майнца настоящего. Он любил поговорить и в разговоре очень эмоционально жестикулировал, руками донося смыслы и оттенки, которые не успел втиснуть в слова. Воображаемый Майнц смотрел на мир как на огромную механическую игрушку, замысловатую, собранную ловко, с множеством мелких деталей и хитрых приспособлений. Смотрел с восторгом и убежденностью, что непременно узнает все тайны устройства этой игрушки. И смог бы – будь у него время. В отличие от Майнца настоящего воображаемый был человеком ученым. Ему не приходилось копать мерзлый торф, латать проржавевшие трубы, грузить упырей в тачку, отбиваясь от их вялых конечностей. Воображаемый Майнц был резок в общении, терпеть не мог уныния и слепой покорности судьбе. Любил жизнь и намеревался прожить ее так, чтобы не пожалеть ни об одном мгновении.

Вот ведь какая ерунда привидится от нехватки электры. Хороший, наверное, был человек этот профессор. Жаль, что к настоящему Майнцу не имел ровным счетом никакого отношения. Майнц покачал головой, и даже это движение далось ему тяжело. В глазах плавали черные пятна, сил не осталось вовсе.

Алёшка между тем продолжал:

– Вы говорили, я слово в слово запомнил: «Тогда, в тридцать восьмом, после ареста, я остался человеком, выжил и не потерял себя – но какой ценой? Загородился ото всего – от камеры на сорок человек, от бессонных ночей и бесконечных допросов, от тупости следователей... Поставил себе задачу и решал ее мысленно. Что, если выстроить кольцевой тоннель и в таком тоннеле друг навстречу другу пустить интенсивные электрические пучки? Сталкивать электроны – и смотреть, что выйдет». Понимаете? Сперва вы рассчитывали формулы, потом экономический план составляли, воображали строительные бригады, которые прокладывают тоннель – огромный, диаметром во всю Москву... И выходило в этом вашем мысленном эксперименте, что закончится все катастрофой небывалого масштаба... Ничего не напоминает? Я когда освоился здесь, разузнал что как – за голову схватился! Вы там, значит, лежите, в себя никак не придете, весь научный мир на ушах, медицинские светила так и выются... И вы же здесь – продолжаете тот самый эксперимент! Я ведь навещал вас, Лев Давидыч, пока еще за тот мир цеплялся. С доктором вашим разговаривал. И знаете, что он мне сказал? По всем медицинским показаниям пациент давно должен очнуться. А что до сих пор в коме – так это его личный выбор. Медицина, говорит, бессильна.

Тут уж Майнц растерялся – как реагировать? Смеяться или плакать? Чего придумал-то, буратина стоеросовая – Майнца, рядового непокойника, сделать кругом виноватым. Главное, не спорить. Выбраться наверх, а там карлы рассудят, что с этим живчиком делать. Теперь только осознал Майнц, как спокойны, предсказуемы и рассудочны мертвые люди.

– Красиво ты рассказываешь, Алёшка. Да что толку от этой красоты? Чего от меня-то хочешь? – Майнц говорил нарочито ласково – лучший метод против безумцев.

Перебрал с лаской. Алёшка, видно, почувствовал ложь. Закрыв лицо ладонью, сполз по стенке.

– Не верите? Я пока вас искал – слова сочинял убедительные, уравнение даже написал с доказательством. Только вам нынешнему все мои выкладки – кошкина грамота.

– Ты прямо скажи, чего от меня хочешь? Чем помочь-то?

– Не ходите на карусель, Лев Давидыч! Уснете и в том мире – настоящем! – проснетесь живой! И весь мир будет – живой!

– Э, брат. Этак я упырем стану. Какой тебе с того толк?

– Не станете! Вот честное слово.

– Кабы это от тебя зависело... – усмехнулся Майнц. Поднялся. – Прости.

– Да вы же тянете за собой всех! Всех нас – целый мир...

– А говоришь – ученый. Сам подумай, какую ерунду несешь.

Майнц стал подниматься по лестнице. Поплелся следом Алёшка – теперь он был похож на обыкновенного непокойника: взгляд потух, руки повисли плетьюми, спина крючком. В машинном Майнц краем уха прислушался к звуку турбин – хорош ли? Коридорами, другой лестницей выбрались этажом выше. Вышли во двор. Тут трудилась ремонтная бригада непокойников, да еще одна занималась разгрузкой торфа. У ворот важно расхаживали карлы.

Завершился безумный этот день. Болела спина, ударенная щупальцем карлы. Ныли уставшие ноги.

– Ну, значит, управились, – радостно сказал Майнц. – Тебе, Алексей, надо бы с бригадиром поговорить. Он скумекает, как тебя обратно в Подземье отправить. Там доктора, они и не такое лечили.

Не без зависти смотрел Майнц на Алёшку. Вот ведь: совершенный безумец. Зато – живой. Не ждать ему карусели от месяца к месяцу. Не тянуть пустое непокойническое бытё, обслуживая жизнь Подземья.

Ржавая металлическая морда с пятном красной облупившейся краски появилась буквально ниоткуда. Нависла над Майнцем, обдавая густым соляным запахом.

Был это тот самый карла, в которого бросил утром камень Алёшка. Скверное дело: карла этот помнил еще Майнца. И намеревался свершить правосудие.

Майнц усмехнулся. Как мог выпрямил спину, задрал подбородок, глаза открыл широко, чтобы видеть все сколько можно точнее. А что? Последней жизни зачерпнуть, прежде чем сгинуть упырем.

Вжжжжжжжжжжх!

Засвистело щупальце, летя к Майнцеву хребту. Но поймало отчего-то Алёшку, который в последний самый момент прыгнул наперерез. Живым своим телом спасая мертвого Майнца.

* * *

Зазвенели ложками, выскребая из мисок пустую, зато горячую баланду. Майнц ел, да все зыркал вокруг, выхватывая короткими кадрами знакомые непокойнические лица. До ужина успел подойти к бригадиру Птаху, который посмеялся только над Майнцевыми страхами угождать в станционные навечно.

Все, выходит, по-прежнему.

Пришел новый этап, набилось буратин как бревен в сарай. Глаза у всех ошалелые от электры, движения рваные, дерганные. Ничего, пройдет.

Освоятся.

И в непокойниках прожить можно.

Майнц спрятал ложку за пазуху. Взял шапку с лавки. Пошел прочь. Шумела, гудела мертвяковская толпа, окутывая знакомым уютным теплом.

Сейчас надо было идти в карусельную, где разденут Майнца, укрепят на специальном вертикальном столе, подведя электроды по всему телу. Станут раскручивать, как в центрифуге, все быстрее, быстрее. В движении зарядится электра в его крови, и еще месяц станет он жить по-прежнему.

Только ох как же тошно после карусели-то. Никогда не чувствуешь себя более мертвым, как после дьявольской этой игрушки. И никогда не бываешь менее человеком. Кажется, все стерла, что могла. Ан нет, всякий раз обнаруживал Майнц после карусели новые слепые пятна в своей памяти. Что забудет он в этот раз? Алёшку?

Майнц невольно стал перебирать в памяти буратиновы безумные слова. Отчего-то знал наверное: после карусели не вспомнит уже ни слов этих, ни дня сегодняшнего.

Следовало признать: байка у Алёшки получилась складная, хоть сейчас в книжку. И байка эта, как ни крути, Майнца как будто поднимала надо всем, делала его фигурой исключительной. Ведь что выходило-то? Весь этот мир, пусть мрачный, мертвый, бессмысленный, с этой бесконечной зимой – всю эту жестокую правду создал он, Майнц. Одной силой своего разума.

Смешно. Демиург должен быть таким, как Алёшка, – молодым, красивым, безумным. Разве может создавать миры седой, битый-перебитый мертвец-непокойник? Нет, усни он теперь, не изменится ничего в этом мире. А если изменится? Как узнать? Способ-то один, и способ этот – прямая дорога к упырьству. Вечность в тесных залах Третьяковки против слова свихнувшегося Алёшки.

Майнц вышел на крыльцо, закурил. Задумался. Каково оно – в упырях-то?

Дарья Зарубина СТАРАЯ ШКОЛА

Стеклянная, сияющая чистотой кабинка катилась вниз. Серафима Павловна подняла глаза к небу. Высоко в зените, под самыми животиками облаков, сиял большой голографический экран, на котором сменяли друг друга лица участников. Мелькнуло и ее лицо.

«Какая же я старая, – с удивлением подумала Серафима Павловна. – И морщин сколько».

Трибуны взорвались криками и аплодисментами. Видимо, пришел поболеть кто-то из «ребят». Может, даже и с семьями.

«Надежды там точно нет, – с тяжелым сердцем подумала Серафима Павловна. – Она в больнице. У Сережи».

Кабинка пронеслась над блестящими словно после дождя стенами живой изгороди, едва не задевая дном поднятые копыта статуй и искристые верхушки фонтанов. Проплыл под ногами сложный иероглиф посыпанных гравием дорожек.

– Серафима Пална, але, – ободряюще шепнул из наушников штурман Дима. Сима привычным величественным жестом подняла руки, приветствуя трибуны. Ювелирно отточенный жест, ограненный до совершенства пятьюдесятью годами начальной школы.

«Здравствуйте, дети». Але. И словно по мановению волшебной палочки тридцать человек вскакивают как один, выстраиваясь вдоль парт.

«Меня зовут Серафима Павловна».

– Божонина Серафима Пал-лна, – сочно растягивая слова, зычно возвещает голос над трибунами. Знакомый голос. Костя умеет завести толпу. Многие вскакивают с мест, машут руками, когда Сима проходит по дорожке от стеклянной капсулы транспортера до своего места. И новой капсулы.

– Пятьдесят лет в начальной школе – такое по силам далеко не каждому! Встречаем Серафиму Пал-лну, класс-с-ную даму старой закалки!

Видимо, большинство из тех, кто пришел смотреть шоу, как-то иначе понимают эти слова. Они кричат «классная дама» и тычут в небо большими пальцами.

Серафима Павловна благосклонно кивает трибунам, стараясь не смотреть на лица. Потому что сейчас, перед началом шоу, главное – сохранить достоинство. А какое может быть достоинство в том, что ты, старая ворона, идешь, встряхивая тщательно завитой сединой, под рев толпы, приготовившей мобильники: снимать и слать эсэмэски.

В крошечном наушнике пикинул таймер. Пошел отщелкивать десять секунд до прямого эфира. Десять, девять, восемь...

Восемь, девять, десять... Го-орько!

Аллочка и Даня целуются. Серафима Павловна смотрит на сына, а Сергей – на нее. Всегда только на нее. Может, в том с самого начала была вина Симы: привыкла в школе первоклашками командовать. И вместе со стопой тетрадей принесла командную манеру домой.

– Внимание, – громко провозглашает тамада, так торжественно поднимая бокал, что через хрустальный край выплескивается шампанское. – К нам уже спешат поздравления от государства. В этот праздничный день наши молодые наконец смогут принять участие в социальной лотерее «Новая семья»!

Гости аплодируют. И Серафима Павловна, и Сережа тоже. Аллочка прижимает пальчик к губам, обдумывая ответ. Даня, счастливо прислушавшись к ее ласковому лепету, набирает на сенсорной панели – лотерея «Мой малыш»: «девочка», «3,5 кг», «52 см».

«Принято», – отвечает механический голос.

«Принято», – вторят гости, сдвигая бокалы.

Молодые снова целуются. И Серафима Павловна с Сережей тоже. Потому что счастливы за сына, потому что любят друг друга уже двадцать пять лет, как в день свадьбы. И шампанское ударяет в голову. И кажется, что все получится.

Надя родилась через два года. Первым девчачьим криком подтвердив право папы и мамы на новенькую двушку улучшенной планировки в районе аэропорта. Честно вытянула три с половиной килограмма на первом взвешивании, оплатив себе детский сад и школу. А вот ростом Надюшка всегда была невелика, как ни хотелось Аллочке, чтобы дочка пошла в отца. Недобор в полтора сантиметра означал лишь одно – учебу в вузе семья будет оплачивать самостоятельно. Но таких денег в бюджетной сфере не заработаешь.

Даня срочно ушел из поликлиники терапевтом в частную больницу. Аллочка отправилась за ним, по вечерам бегала по клиентам: хорошая массажистка всегда нужна. Сережа сменил проектное на стройку. Больше зарплата.

А Серафима Павловна осталась в школе.

Ни сын, ни невестка, ни муж – ни один не упрекнул, не обмолвился и словом. Но Сима чувствовала на себе тяжелые взгляды коллег. Мол, ради внучки могла бы и потерпеть. Устроиться в гимназию. Пятьдесят один – не возраст. Люди и постарше работу меняют. Но Сима осталась в старой школе. Сюда она пришла еще совсем девочкой. Здесь на родительском собрании встретила Сережу. Здесь учился Данька. Здесь выучит и Надю.

Серафима Павловна осталась. Осталась до самого последнего дня, когда классы перевели в новое здание, а старую школьную территорию обнесли забором, пригнали бульдозеры и краны. Нет, не новая жизнь, ненасытно требующая перемен, заставила Симу покинуть класс. Это были они, ее ребята.

Дети, что сорок лет назад входили сюда под дребезжание первого звонка, умели любить. Они полюбили школу. Они запомнили школьный сад, утопающие в зелени корпуса. И, став взрослыми, решились признаться в этой любви единственным известным способом – дать родной школе денег. На новое здание поближе к центру района, на современную технику, компьютеры, тренажеры... А в знакомом с детства здании начали готовить приют для себя. И через пару лет вместо доски над входом в школьный сад появилась резная табличка «Дом престарелых “Старая школа”».

– ...«Старая школа»! Два пожизненных места категории «Все включено» для финалистов шоу «Зажились!», – взвился над трибунами знакомый голос. – Еще раз повторим для вас имена и номера наших участников. Три-ноль-ноль-один, Лопатин Иван Александрович, слесарь-ремонтник с тридцатилетним стажем. Личное обаяние и монтiroвка! Иван Александрович Лопатин! Две тысячи ваших голосов на номер три-ноль-ноль-один вложат заветную монтiroвку в руки этого игрока. Неужели вы оставите героя с пустыми руками?

На экранах появилась алая монтiroвка. Медленно вращаясь, подставила камере логотип фирмы-изготовителя. Лот номер три-ноль-ноль-двенадцать – масляно блестящий разводной ключ. Счетчик в углу экрана лихорадочно отсчитывал голоса.

Стеклянная капсула на высокой серебристой ноге вознеслась над зелеными изгородями лабиринта. Иван Александрович замер в ней, как паук в янтарной капле, подняв над головой сцепленные в замок руки. Серые со стрелками брюки, коричневые сандалии, клетчатая рубашка с коротким рукавом, полотняная шоферская кепка – на имидж «своего парня» ушла не одна неделя работы, а небрежную растрепанность молочно-белой седины создавали опытейшие стилисты и лучшие парикмахеры. Он и вправду выглядел своим, смутно знакомым, так что Серафима Павловна даже прищурилась, стараясь разглядеть лицо слесаря, но случайный солнечный луч блеснул на стекле кабинки, заставив ее отвести взгляд.

Лопатин держался молодцом. Под свободной рубашкой угадывался поддерживающий спину корсет. Игроку номер один везло меньше всех. Ему стоять еще минут пять-шесть с поднятыми руками, пока не взмоют вверх все капсулы. Пока беснующиеся на трибунах и припавшие к экранам зрители не отголосуют за оружие и амуницию.

– Поздравляем, Иван Александрович! В лабиринте вас ждет разводной ключ от нашего постоянного спонсора немецкой фирмы «Кайзер – Ка». А наш следующий игрок – Три-ноль-ноль-два, Епифанова Агата Сергеевна! Создатель приюта для домашних любимцев «А-gata». Шестнадцать кошек Агаты Сергеевны сейчас болеют за нее у экрана телевизора. Как жаль, что эти крошки не могут проголосовать за свою хозяйку. Но вы – можете! Электрошокер нового поколения от Энтони Ди Арма или ножи для мяса «Эледженс»?..

Агата Сергеевна замерла в стеклянном коконе, приложив руку к груди, всем своим видом показывая, что покорно принимает выбор зрителей.

– Серафима Пална, – ожил в наушнике голос Димы, – все помните?

– Да, Димочка, – терпеливо отозвалась Сима, – у слесаря старая травма колена и камни в почках. У кошатницы неправильно сросшийся перелом бедра, остеопороз. А у кого его нет?

– И парик, – весело добавил Дима, подбадривая больше самого себя, чем подопечную, – а у пары Семенчуков: у него – астма и силикоз, у нее – сердце слабое и один глаз стеклянный...

– Не переживайте так, дорогой мой, я все помню, – ответила Серафима Павловна, глядя, как над зеленью взмывают в сдвоенном стеклянном шаре супруги Семенчуки. Екатерина Михайловна в цветастой, чуть растянутой на полной шее ситцевой блузе и плотных садоводческих шортах, и Аркадий Игнатьич, высокий и жилистый, в льдисто-сером рабочем комбинезоне и белой, слишком льнущей к сухопарному телу олимпийке. Этим компромиссов не нужно. Два места в «Старой школе» – двое Семенчуков.

Повезло. Одногодки. Сима была на четыре года старше Сережи. Хотя много лет они позволяли себе роскошь не думать об этом. Мол, до семидесяти далеко, может, и не дотянем. Откажет сердце, вылетит из-за угла потерявшее управление такси... И не придется Сереже смотреть, как его дорогая Симочка глотает на исходе семидесятого дня рождения желтую таблетку от Министерства социальной рациональности. Но нет, зажились.

Только вместо аккуратной дамы с форменным беретом на ровных кудряшках и чемоданчиком с таблетками, пристегнутым к запястью, на пороге появился Костя.

– Серафима Павловна, – темноволосый молодой человек учтиво склонил голову, входя в переднюю. – Разрешите представиться. Константин. Можно просто Костя.

Сима посторонилась, позволяя гостю пройти в дом. Отметила неброский, но дорогой костюм, блеснувший сталью коллекционный хронометр. Однако молодой человек будто бы и не заметил внимательного взгляда старой дамы, церемонно положил на стол кейс.

– Вы – из Министерства? – стараясь не выдать нервозности, спросила хозяйка. – Мой юбилей в будущем месяце, и я полагала... таблетку принесут не раньше, чем за сутки...

– Что вы, Серафима Павловна! – ласково улыбнулся Костя, щелкнув застежками кейса. – Разве я похож на живодеров из Службы контроля сроков жизни? Вы, моя дорогая, меня этим просто обижаете. Но у меня есть предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– А если все-таки попробую? – Серафима Павловна холодно посмотрела на юного наглеца, на мгновение сбив с него тонкое напыление дорогой самонадеянности.

– Тогда, – быстро справился с собой молодой человек, – через три недели вы получите свою таблетку и принесете пользу обществу. А я...

Костя легко вскинул движением головы длинную, закрывавшую половину лица челку. Блеснул нестерпимой синевой острый взгляд:

– ...Я предлагаю вам... надежду. А взамен я прошу лишь минуту вашего времени и чашечку чая.

– Вы коммивояжер, – догадавшись, расслабилась Сима, – извините, молодой человек, но мне ничего не нужно.

– Нужно, моя дорогая Серафима Павловна, – отозвался Костя, открывая кейс.

– Нужно, Серафима Пална, – взмолился Дима. – Машите, потерпите еще тридцать две секунды, и вас опустят в лабиринт.

– Димочка, у меня уже вот-вот отвалится рука.

– Десять секунд, моя дорогая Серафима Павловна, – вклинился в разговор знакомый, веселый голос Кости, – начинаю отсчет.

Кабинки медленно опустились в зеленое море самшита. Серафима Павловна осторожно ступила на мелкий цветной гравий дорожки, внимательно вглядываясь в плотную стену листьев, где должен был ждать мизерикорд. Проклиная устроителей и их жажду изящного, Серафима Павловна слепо запустила руки в самшит прямо перед дверцей кабинки. И тотчас наткнулась указательным пальцем на узкое лезвие.

– О мой бо... – едва не вырвалось от боли, но Сима сдержала стон. С трудом выпутала клинок из ливы и сетки, поддерживающей живую изгородь.

Справа над ее головой мигала красным глазком камера. Серафима Павловна торжественно показала ей обретенное оружие.

«А теперь побежали, – напомнил внутренний голос, – и побежали быстро».

Хотя какой может быть бег, когда за плечами семь десятков. Но задерживаться не стоит. Серафима Павловна двинулась налево, слыша, как за ее спиной охлопывается коридор, с хрустом давя стеклянную капсулу. Как и предупреждали, отсидеться не получится. Только бежать.

Дыхание сбилось быстро. Серафима Павловна вцепилась рукой в нещадно разболевшийся бок. Из стены резко вынырнули три лезвия, распоров воздух в паре ладоней от ее плеча. Сима дернулась к противоположной стене, едва не налетев на притаившиеся в ней длинные толстые иглы.

– Поддержим наших героев! – крикнул над ее головой невидимый Костя. Трибуны ответили воплями, улюлюканьем, нестройными хлопками.

– И пока наши участники ищут друг друга в лабиринте, напомню, что шоу «Зажились!» проводится при поддержке Министерства социальной рациональности и фонда «Общественные лотереи».

По экранам поплыли знакомые рекламные кадры. Молодой человек в синем берете с улыбкой обнимал другого, со значком МГУ на лацкане студенческого пиджака.

– Лотерея «Призыв»: каждую весну и осень мы дарим вам возможность стать студентами лучших вузов страны! – доверительно, с легкой томной хрипотцой напомнил женский голос. – Дважды в год один из счастливицов, заполнивших анкету на призывном пункте, получает из рук министра сертификат на один миллион рублей. Еще пятьдесят призывников ежегодно награждаются полным пожизненным освобождением от воинской повинности и сертификатами на обучение в любом вузе на бюджетной основе. Остальных участников ждет служба в интереснейших уголках вселенной и достойная зарплата военнотружущего российской армии.

– Служу России! – в один голос бодро гаркнули студент и десантник, протягивая с экранов анкеты призывников, заполненные одинаковым размашистым патриотическим почерком.

– Ты уверена, Надя? – Серафима Павловна не надеялась, что внучка передумает. Нужно было знать Надю. Если уж решила что-то, хоть кол на голове теши. Да и что могла ей предложить бабушка Сима. Учительскую пенсию да инвалидность деда. Денег, оставшихся после Дани и Аллочки, хватило бы на какой-нибудь провинциальный истфак, но Наде не было дела до раскопанных курганов, берестяных грамот и пыльных палеолитических венер, отлеживаю-

щих пышные бока в музейных запасниках. Надя хотела стать инженером-конструктором космических кораблей. А это стоило космически дорого.

Анкету призывника Надежда домой не принесла, заполнила там, в военкомате. Чтобы у бабушки и деда не было даже иллюзии, что можно что-то изменить.

Через неделю застегнутая в синий комбинезон Надежда, остриженная под спичку, вылетела в учебный центр по подготовке летного состава. Повезло, что оказалась маленького роста. Высоких в летчики не берут. Они копают и стреляют два года. А летуны год учатся и только на второй получают разведывательный флаер или транспортник, набитый новобранцами, и назначение в один из «интереснейших уголков вселенной».

Письма Надя писала вовсе не интересные. Серафима Павловна диву давалась: всю жизнь учила, а собственную внучку не выучила. «Все хорошо. Я жива и здорова. Скучаю. Надя». И так – в каждом письме.

Больше сказали черные, мертвые глаза вернувшейся внучки. Слишком крепкие, слишком накачанные руки. Едва заметные следы обработанных на регенераторах шрамов.

– Ты извини, но я ненадолго, ба, осенью снова попробую.

Серафима Павловна не нашлась, что ответить.

– Не повезет опять, так это не проблема, – ответила за нее Надя, – я еще за два срока сама на конструкторский заработаю.

Через неделю у Сергея отказали почки. Шестидесят шесть лет. Терминал Министерства здравоохранения вежливо сообщил, что данные по пациенту «Божонин Сергей Евгеньевич» переданы в Службу контроля сроков жизни. Значит, не только для нее, и для Сережи обратный отсчет уже начался. Никакой лотереи «Донорская почка». Сима не раз читала выкладки Минсоцрац об экономическом и ресурсном обеспечении срока жизни россиян и, пожалуй, была согласна в свое время уступить место под солнцем молодым, способным в тяжелое время из всех сил работать на благо страны, не требуя взамен бесплатного проезда и льготных лекарств. Но отпустить Сережу – это было другое. Совсем другое...

В розыгрыше гемодиализных аппаратов не повезло, хотя, видит небо, Сима и Надя весь час, что длился розыгрыш, просидели у телевизора со скрещенными на удачу пальцами. Но удача делается не пальцем. Во всяком случае, пальцев должно быть значительно больше...

Стеклянный потолок поехал вниз, пригибая Серафиму Павловну к земле. Самшитовый коридор резко повернул налево, сменившись блестящей стеной магонии. Отличной сортовой магонии. Серафима Павловна опаздывала. Нещадно колющая в боку боль перебралась по ребрам на спину. Сима тяжело привалилась к стене, прижав к подвздошью крепко зажатый в кулаке мизерикорд. Хотелось выбросить глупый клинок, но зрители едва ли поймут, почему она так легко пожертвовала подарком, оплаченным полутора тысячами эсэмэс. А рассерженные зрители, случись что, редко голосуют за «жизнь».

Значит, придется двигаться.

– Направо, Серафима Павловна, – подсказал в ухе заботливый Дима.

Сима двинулась к развилке, пытаясь продемонстрировать зрачку камеры хоть какое-то подобие бега.

Кошатница появилась внезапно. Как будто одна из зеленых стен толкнула Агату Сергеевну прямо на соперницу. Серафима Павловна автоматически выставила вперед руку, защищаясь от неожиданного нападения. Мизерикорд легко скользнул по щеке Агаты, оставив глупую красную линию, от которой тотчас протянулся мелкий пунктир капель.

– Ах ты, старая гнида! – взвизгнула Агата Сергеевна, отступая к противоположной стене. Тихо пощелкивал электрошокер.

– У нас первая кровь! – крикнул где-то над головой голос ведущего.

Осторожно потрогав раненую щеку и увидев алые кончики пальцев, Агата выставила перед собой шокер и неловко ткнула им, надеясь достать соперницу. Серафима Павловна пригнулась, стараясь избежать удара. Больные, и без того ослабевшие от бега колени не выдержали. Сима плавно подалась вперед, подкатываясь под ноги Агате. Веером брызнул из-под рук гравий. Под шальным ударом плеча владельца приюта для домашних любимцев рухнула как подкошенная, на лету теряя оружие.

– Ай да Серафима Пал-лна! – на мгновение над головой Симы застыло на стоп-кадре ее собственное, искаженное болью лицо в облаке летящего гравия, а еще выше – сухая ладонь соперницы и отлетающий в сторону электрошокер. – Какой прием! Какая игра! Вот что значит – хорошая школа! Похоже, у нас перелом шейки бедра! Проверьте ваши талоны! Что записано в графе «Первая победа»? Серафима Божонина? Тогда вы – первый счастливчик на этом шоу. Если нет – не расстраивайтесь. Ваши добровольные пожертвования уходят в фонд детского дома номер 2 города Ярославля.

На экране появились счастливо машущие в камеру ярославские сироты. Директор пролопотала какие-то благодарственные слова.

– Серафима Павловна, тридцать секунд на коридор. Вам направо, – подсказал Дима.

– Вставай. Таймер – полминуты, – бросила Серафима Павловна, тяжело поднимаясь на ноги. Соперница только застонала, размазывая по морщинистым щекам злые слезы.

– Сука школьная, – прошипела она, пытаясь приподняться. В тишине послышался негромкий хруст. Кошатница завалилась на бок, воя от боли.

Серафима Павловна попыталась поднять ее за руку.

– Вставай, бабуля, – прошипела она, стараясь взвалить соперницу на плечо.

– Сама бабуля, – огрызнулась та, но подтянулась, цепляясь за живую изгородь.

– Двадцать секунд, – встревоженно напомнил Дима.

– Без тебя знаю, – бросила Агата Сергеевна своему штурману, который, видимо, шепнул ей в наушник то же самое.

– Но посмотрите, что происходит в нашем лабиринте! – Голос ведущего изобразил искреннее удивление. – Воистину, милосердие – особая жестокость победителя! Похоже, Агата Сергеевна не может идти. О чем думает ее соперница?! Нет, уважаемые, срок истек. А не зажились ли вы, Агата Сергеевна?

– Зажились! – воскликнули трибуны.

– Нет! – ответили другие.

На экранах поползли вверх, то и дело обгоняя друг дружку, два столбика. Болельщики определяли судьбу проигравшей.

– Как ни жаль, но зрители сделали свой выбор! – воскликнул Костя. – Недаром наше шоу называется...

– Зажились!!! – подхватили тысячи голосов.

Гравийная дорожка под ногами Агаты Сергеевны провалилась. Серафима Павловна упала, чувствуя, как скользят по ее рукаву пальцы соперницы. Ухватилась за них и поехала по гравию к черной яме, в которой болталась, как тряпичная кукла, Агата Сергеевна.

– У меня дома кошки... – едва слышно прошептала она. – Как же... У меня дома... кошки...

Серафима Павловна попыталась зацепиться ногами за гравийную дорожку, успевая воткнуть злосчастный мизерикорд в металлическую сетку под зеленой стеной лабиринта. Благодарение судьбе и швейцарским технологам «Европейского союза оружия», тонкое лезвие выдержало обеих.

– Серафима Пална, двенадцать секунд, – дрожащим голосом проблеял Дима, – бросайте бабу и на выход. Ведь премию снимут...

– Дмитрий, – прошипела Серафима Павловна, чувствуя, как начинают дрожать от напряжения пальцы, – я тоже... бабка.

– Бабка, не бабка, – ворвался в наушник раздраженный голос Кости, – тут большие бабки крутятся. Поверьте мне на слово, лучше слушаться. На вас ставки такие, что схлопнется коридор – серьезные люди деньги потеряют. И тогда... не уверен, что они захотят заплатить за новую почку для вашего мужа. Зрители выбрали. Отпускайте.

– А то? – едва выдохнула Сима.

Удар током был не слишком сильным. Таким, что в другой ситуации и боли не почувствуешь. Но пальцы разжались словно сами собой, неудачливая соперница полетела в сизые клубы искусственного тумана под лабиринтом, а пол поехал на место так быстро, что Серафима Павловна едва успела выдернуть руку.

– Пять секунд, – ровно скомандовал Дима.

Сима поднялась и побежала направо. Зацепила ногой отлетевший в сторону шокер. Смертельно надоевший мизерикорд уже получил свою порцию крови и зрительского внимания, и Серафима Павловна разумно решила, что с шокером будет сподручней. Все еще не решаясь выбросить осточертевший клинок, Сима сунула шокер в карман кофты и едва успела проскочить в правый коридор, когда блестящая магониевая стена позади нее сошлась с пушистой самшитовой. Лязгнули скрытые в зелени зубцы.

В руке, слегка онемевшей от удара током, покалывало, боль в боку сделалась почти нестерпимой. Над головой бойко мелькал очередной рекламный ролик.

– Камеры три и шесть – на фонтан Б! – прорезался в наушнике голос Кости. – Дмитрий, уводи свою на левый путь. Семенчуки сейчас сталевара рвать будут. А твоя в двух коридорах, сунется – костей не соберешь. Женя, слесаря уводи на круг. Куда нам столько мяса в один кадр?

– Я вас слышу, – пробормотала Серафима Павловна. – Дима, микрофон.

– Дмитрий! – рявкнул Костя.

Все смолкло.

– У нас назревает новая схватка! – взвился над головой уже другой, восторженный голос ведущего. – Супруги Семенчуки против стальных кулаков Евгения Степаныча Февралюшина. Вот-вот станет жарко, как в мартене...

– Серафима Пална, ради всего прошу, не суйтесь, – грустно позвал Дима. – Берите левый коридор и через арку. А то там у сталевара спонсор крутоват, не про нашу честь. Родной сталелитейный ему бензопилу в игре проплатил. «Дружбу». Может, Семенчуки вдвоем и прорвутся. А вас Февралюшин в оливье порубит. У него на кону младшая дочь-наркоманка, на устранение уже ордер выписан...

– Принято, – оборвала его Серафима Павловна. Взяла влево. Вынула из кармана шокер и на ходу пощелкала для верности, работает ли. – Сколько бегаем?

– Шестнадцать минут, двое выбыло. Восемь в игре, – отрапортовал Дима.

Шестнадцать минут. Если продержаться двадцать – у Сережи будет почка. За полчаса обещали вузовский сертификат.

«Четыре минуты за любовь, еще десять – за Надежду, – усмехнулась сама себе Серафима Павловна. – А потом можно и о “Дружбе” подумать».

Ноги ступали все тяжелее, с каждым шагом загребая гравий. Подумалось, что в юности все это было бы намного проще. Бегать, уворачиваться от ножей, выбираться из-под прижимающих к земле стеклянных потолков. Было бы, наверное, проще убивать, потому что себя жалче. А когда тебе семьдесят, ты приготовился к таблетке, подвел итоги, подписал все бумаги и уверился, что прожил неплохую и относительно правильную жизнь, – вдруг появляется какой-нибудь желторотый коммивояжер надежды Костя. И обещает, что если ты выдержишься еще чуть-чуть... и не обязательно убивать... достаточно просто вовремя покидать коридоры и смотреть, чтобы что-нибудь не выскочило из стены...

– Баб, отказывайся, – тихо и серьезно проговорила Надя. – Ну, не твое это.

– Почему? – заупрямилась Серафима Павловна, раскладывая на кровати «смертное» платье. Все-таки жаль, что не придется надеть. На игре наверняка подберут более подходящий костюм, чтобы на экране хорошо смотрелось. – Думаешь, твоя бабушка старая, так уже и постоять за себя не сумеет?

Серафима Павловна попыталась улыбнуться.

– Я просто хочу, когда ты будешь умирать... – голос Нади сорвался в глухую хрипотцу, – ...хочу держать тебя за руку, а не пялиться в телевизор, потому что даже проголосовать не могу, так как звонки от родственников игроков не принимаются к учету.

Серафима Павловна со стыдом вспомнила, как звонила друзьям, знакомым, ученикам; просила послать эсмэс за Сергея, когда того взяли на шоу «Я держусь». Зрители проголосовали за другого игрока: молодого еще парня с артрозом тазобедренного сустава. Солнечные кадры, где парнишка, прикованный к коляске, играл с двумя маленькими детьми, наяривал на балалайке «Семеновну» и «Малыш, я тебя люблю», ловко перемежались видами полутемной комнаты, где заплаканная жена колола ему, бледному, покрытому холодным потом, обезболивающие. Сергей не умел ни балагурить, ни петь. Он всегда был слишком серьезным и немногословным, чтобы нравиться незнакомым людям. Знакомые голосовали, звонили, сочувствовали. И от этого было особенно стыдно.

Надюшка уверяла, что позаботится о нем, когда для Симы придет время. Казалось, и сам Сережа не хотел надолго задерживаться здесь без нее. Но как-то очень тяжело было думать, что он не доживет до своей таблетки.

И в этот момент появился Костя.

– Отказывайся, баба Сим, – повторила Надя. – Ты не сможешь. Там нужно будет...

– Просто пытаться бежать, – не уступала Сима, внутренне радуясь, что можно будет наконец оправдаться перед внучкой, перед смотрящими с небес Даней и Аллочкой, перед всеми – за то, что не сумела оставить школу. – Ты же помнишь притчу про лягушку, которая упала в молоко и била лапками...

– Ба, – оборвала Надя, – из того, в чем тебя заставят барахтаться, масла не взобьешь. Там будут люди, которым есть что терять и есть за что драться, – медленно, тщательно выбирая слова, продолжила она.

– Они просто старики, как и я... – Сима неуверенно улыбнулась. – Нам по семьдесят лет. У всех таблетка на тумбочке. Это вы, молодые, думаете, что это легко – оружие, ужасы всякие... А когда доживаешь седьмой десяток, и пару метров пробежать – уже испытание.

– Баб... – Надежда потеряла едва заметный шрам над бровью, заслоняя ладонью глаза. – Ты смотрела хоть одно шоу? Ты хоть знаешь, что такое «Зажились!»?

Серафима Павловна покачала головой: то ли признаваясь в своем незнании, то ли отказываясь слушать. Наконец, потеряв терпение, Надя встала между бабушкой и кроватью, на которой лежало распластанное платье:

– Туда берут не просто стариков. Только тех, кому очень нужно еще немного пожить. Или очень хочется. Ведь кому-то на самом деле не хватает семидесяти. Хочется умереть в тепле и уюте, среди заботливых медсестер в каком-нибудь райском уголке вроде «Старой школы». И в эту «Старую школу» попадают либо очень богатые, либо очень злые... Они будут очень стараться тебя убить. И тебе нечем будет ответить, потому что ты другая... А если ты это ради нас – то отказывайся. Ни мне, ни деду такой жертвы не надо.

По бокам снизу тихо зашипело. Коридор начал медленно заполняться газом. Серафима Павловна закашлялась, сгибаясь.

– Время, Серафима Пална, время, – трещал в наушнике Дима. – Бегите.

Легко сказать. Усталое тело отказывалось служить. Боль ледяным панцирем охватила бок, парализовала руку. Оставалось лишь ковылять, сильно припадая на левую ногу.

Где-то в отдалении на трибунах взвыли зрители, приветствуя чью-то новую победу.

– Это они – герои тридцатого выпуска шоу «Зажились» – супруги Семенчуки, – разносилось над головой. – Крепкая семья – вот счастье человека и опора общества. Что такое «Дружба» по сравнению с любовью! Ур-ра победителям! Соболезнования зрителям и устроителям семье и друзьям Евгения Степаныча. Он заплатил высокую цену за свободу и лечение дочери.

Сима подняла голову. На экранах мелькнуло лежащее вниз лицом тело Февралюшина, и теперь маячили счастливые Семенчуки – белая олимпийка на плече Аркадия Игнатьича набухает красным, в руках его супруги – трофейная «Дружба» и плоскорез Фокина.

«Хорошая штука, в огороде половину инвентаря заменяет», – подумала Серафима Павловна. Голова нещадно кружилась, подсовывая странные, неуместные мысли.

– А Серафима Пал-лна Божонина проходит газовый коридор! Она на полпути к центру лабиринта! – напомнил о ней ошалевшим от восторга зрителям Костя. – Ну же! Поддержим клас-с-ную даму!

Над верхушками живых изгородей появилось изображение заполненного газом коридора. В нем – скособоченная фигура, едва ковыляющая в сторону развилки. Серафима Пална попыталась выпрямиться, собирая остатки сил, перешла на шаркающий бег. Кто-то из зрителей оценил ее усилия: захлопали, засвистели.

– Не сдаваться судьбе выучили нас! Серафима Божонина – первый класс! – принялись скандировать несколько десятков голосов.

«Ребята», – с удовольствием подумала Сима. Цепляясь за жесткие листья магонии, свернула в правый коридор. Кондиционер обдал зимним холодом, очищая воздух. Серафима прислонилась спиной к изгороди, стараясь отдышаться.

– Камера пять. – Снова незванный гость в наушнике, Костя. Обормот Дмитрий опять напутал с пультом. – Коридор 4-В. Переключайте с Божониной на Лопатина. Повторяю, Семен, переводи на слесаря, три-ноль-ноль-один. Кирилл, веди своего на Семенчуков. Дима, твоя сдает. Как биотелеметрия?

– АД 190 на 110, пульс сто тридцать, – отпартовал Дима.

– Дай допвыдержку на коридор секунд пять, отдышаться, а потом гони. Фонтан А, через шестой А. Семен, крупный план слесаря...

– Я вас снова слышу, – восстановив дыхание, просипела Серафима Павловна, усмехнулась. – Повторяю, Божонина на линии.

– Дима, твою... – В наушнике щелкнуло.

Хорошо. Лишних пять секунд. Серафима Павловна закрыла глаза, сняла с ног туфли. Судя по звукам с экранов и трибун, камерам сейчас не до нее.

– Вот ч... – едва не выругалась она, когда во все стороны брызнули листья и клочки сетки-основы. Прорубая тонкую стенку лабиринта, прямо на нее вывалилась Екатерина Михайловна Семенчук. В ее руке еще ворчала пила. В открывшуюся в стене рану хлынул яркий свет, звук и запах ледяной воды, бьющейся в фонтане. Середина лабиринта.

Смерть – здоровая базарная старуха с бензопилой в полной руке – шагнула к Серафиме Павловне. Та лишь беспомощно выставила перед собой тонкое лезвие милосердия, другой рукой на шаривая в кармане шокер.

Разводной ключ едва не проломил толстухе череп. Покачнувшись, Екатерина Михайловна повернулась к нападавшему.

– Аркаша! – крикнула она в прореху в живой изгороди, наступая на нового противника. – Тут двое. Училка и еле...

Серафима Павловна поднялась, цепляясь за стену, и, едва грозная старуха Семенчук снова обратила к ней взор, Сима ткнула шокером в красное от напряжения лицо соперницы. Лопатин действовал почти одновременно с нею – разводной ключ наконец достиг цели. Из виска медленно заваливающейся навзничь Екатерины Михайловны брызнула темная кровь. Выскочил и влажно шлепнулся под ноги Симе искусственный глаз. На него мигом налип гравий.

– Катя! – крикнул из-за стены Семенчук.

– Серафима Пална! Держитесь! Двадцать шесть минут! – Голос Димы пробился через быющий в висках пульс и рев затихающей бензопилы. – Направо, там еще один выход в центр. У вас хорошие шансы зайти в тыл обоим.

Что-то крича на своем, слесарском, Лопатин рвал из рук мертвой Екатерины Михайловны бензопилу. Над головой, ловко модулируя голосом, завывал Костя. Ему вторили зрители. От этой какофонии закладывало уши.

– Туда! – Ивану Александровичу наконец удалось расцепить мертвые пальцы мадам Семенчук. – Серафима Пална, твою... вашу мать! У Семенчука оружия с трех игроков.

– Бегите, – прошептала Сима, чувствуя, как отказывает левая нога. Одышка заставила опустить голову, чтобы протолкнуть в легкие хоть немного воздуха.

– Ну уж дудки, меня Сашка сожрет, если я вас тут кину. – Лопатин подхватил Симу под руку и поволок по коридору.

– Саша Лопатин? – переспросила Серафима Павловна, запоздало понимая, отчего старый слесарь казался ей смутно знакомым. – Саша Лопатин ваш внук?

– Да, – огрызнулся слесарь. Его силы тоже были на исходе. Травма колена давала о себе знать – Лопатин тяжело припадал на правую ногу.

– Как он? – не удержалась Сима, понимая, что не время для светской беседы, так же хорошо, как то, что скоро не будет времени ни для каких бесед.

– Лопух безмозглый, епть! – отозвался Лопатин. – Сядет, если мы с вами, Серафима Пална, еще четыре минуты не протянем. В драку уличную за девчонку полез. Двоих убил. При свидетелях. Ладно, сразу под устранение не пошел. Повезло, что деду пара дней до таблетки...

– Твари! – донеслось сзади. Аркадий Семенчук не стал останавливаться над трупом жены, переступил через лежащее на дорожке тело и, почти не прицеливаясь, бросил в убийц топорик. Промажнулся. Лопатин втащил Симу за угол.

Вновь потянуло влажной прохладой.

Иван Александрович двинулся первым.

– Дима, где Семенчук? – шепотом спросила Серафима Павловна, не очень надеясь на штурмана. Шоу было в разгаре. Громовой рокот трибун, бесперебойная стрекотня Кости в динамиках и сотня софитов над площадкой с фонтаном резко били по чувствам. Кажется, Дима что-то кричал в ответ. Но Серафима Павловна, ослепленная и оглушенная, не расслышала. Видимо, штурман Лопатина оказался поопытней. Слесарь резко обернулся, отталкивая в сторону Серафиму Павловну и принимая в грудь плоскорез. Чертова тяпка легко пробила клетчатую рубашку и грудину. На губах Лопатина выступила бурая кровь.

Но Серафима Павловна не смотрела на него. Уже знакомым движением она подкатилась под ноги Семенчуку, целясь левым плечом сопернику в бедро. Хрустнула чужая бедренная кость, отозвалась резкой болью в разрываемых мышцах собственная плечевая. Боль тотчас разлилась по спине, груди, ребрам. Но Серафима Павловна занесла вверх еще послушную правую руку и всадила мизерикорд под ребра падающему Семенчуку. На что-то же должна была сгодиться проклятая железка. Вытащить лезвие сил уже не осталось.

Сима скорчилась на гравии, прижимая к животу мертвую левую руку.

– Серафима Пална, – прорвался через пелену боли голос Димы, – у вас инфаркт...

– А у нас – по-обе-едитель! Ай да классная дама! – перекрыл все радостный голос Кости. – Этот урок, Серафима Пална, наши зрители запомнят надолго! Браво! Два места в «Старой школе», а также специальные призы от Министерства социальной рациональности достаются номеру три-ноль-ноль-восемь, Серафиме Павловне Божониной! Но что это? Похоже – Серафима Пална приняла свою победу слишком близко к сердцу. У нас инфаркт на финишной прямой! Похоже, еще немного – и переезжать в «Старую школу» станет некому. Вы готовы спасти свою героиню? Всего четыре тысячи эсэмэс на номер три-ноль-ноль-восемьдесят три – и бригада экстренной помощи поспешит на выручку Серафиме Палне!

– Блин, не слышит уже, – пробурчал в наушнике недовольный голос Димки, – помрет ведь. Биотелеметрия фиговая. Хоть самому голосуй.

– Да ты что, – ответили в рубке управления шоу, – крепкая бабка. Такие просто так не умирают. Старая школа...

«Я вас слышу», – хотела шепнуть Серафима Павловна и не смогла. Тяжелая железная рука давила сердце.

На экране появилась готовая к броску бригада медиков. Белые халаты и синие робы эффектно льнут к литым мышцам, волевые подбородки устремлены вверх, глаза следят за цифрами на счетчике зрительских голосов.

– Три тысячи девятьсот семьдесят! Три тысячи девятьсот восемьдесят пять!... – радостно отсчитывает в небе невидимый Костя.

Сергей Лукьяненко ОБЫДЕННЫЙ ДОЗОР

Данный текст обязателен для прочтения силами Света.
Ночной Дозор

Данный текст обязателен для прочтения силами Тьмы.
Дневной Дозор

Пролог

Пятнадцать лет – это большой срок.

За пятнадцать лет человек успевает родиться, потом учится ходить, говорить и пользоваться компьютером, потом – еще читать, считать и пользоваться унитазом, совсем потом – драться и влюбляться. А в завершение, порой, производит на свет новых людей или отправляет во тьму старых.

За пятнадцать лет убийцы проходят все круги ада в тюрьмах для особо опасных преступников – и выходят на свободу. Иногда – без капли тьмы в душе. Иногда – без капли света.

За пятнадцать лет самый обычный человек несколько раз радикально меняет свою жизнь. Уходит из семьи и заводит новую. Меняет две-три-четыре работы. Богатеет и становится нищим. Посещает Конго, где занимается контрабандой алмазов, – или селится в заброшенной деревушке в Псковской области и начинает разводить коз. Спивается, получает второе высшее образование, становится буддистом, начинает принимать наркотики, обучается пилотировать самолет, едет в Киев на Майдан, где получает дубинкой по лбу, после чего уходит в монастырь.

В общем – много чего может случиться за пятнадцать лет. Если ты человек.

...Впрочем, если ты девочка пятнадцати лет от роду – то ты твердо знаешь, что ничего интересного с тобой не происходило. Ну, почти совсем ничего.

Оля Ялова, если бы кто-то сумел поговорить с ней по душам (еще лет пять назад это получилось бы у мамы, года три назад у бабушки, но сейчас – ни у кого), рассказала бы про себя три интересные вещи.

Первая – как же она ненавидит свое имя и фамилию!

Оля Ялова!

Нарочно не придумаешь!

В детстве ее дразнили Оля-Яло, как девочек из старого-престарого детского фильма. Но это еще было ничего. В конце концов, фильм был хороший (по мнению семилетней Оли), на тех девочек-близняшек она даже немного походила. Оля-Яло? Ну и прекрасно.

А вот классе в четвертом кто-то из одноклассников... ну да уж, «кто-то»... хорошо, когда ты уже в десять лет – красавчик, блондин, отличник, родители богатые и тебя обожают, а фамилия твоя – Соколов... так вот, кто-то из одноклассников решает посмотреть в Интернете, какая фамилия что значит...

И ты узнаешь, что Ялова – это всего лишь корова без теленка. Бесплодная корова. И это «бесплодная корова» становится твоим прозвищем с четвертого по шестой класс. Иногда сокращаясь до «коровы», иногда даже до «бэ-ка». И от обиды и слез ты начинаешь сидеть дома, читать книжки и лопать чай с печеньем – пока и в самом деле не обретаешь фигуры «коровы»...

Второе, что было главным в жизни Оли Яловой (или Оли-Яло, как она себя мысленно называла), – это хоккей. Настоящий хоккей с шайбой. Женский. Ну или девичий – в секцию она пошла совершенно случайно, когда однажды ей вдруг приснился мерзавец Соколов, перед которым она почему-то стоит совершенно голая, – и красавчик Соколов (к тринадцати годам он стал высоким и уж совсем неприлично красивым мальчишкой) морщится, закрывает ладонью глаза и цедит сквозь зубы: «Корова...»

То ли время пришло, то ли хоккей был именно тем, что требовалось, но весь лишний жир стек с Оли за полгода, а через год – в четырнадцать – она была звездой юношеской сборной России.

И внезапно оказалось, что под пухлыми щеками и толстыми бедрами пряталась высокая (к пятнадцати Оля перегнала всех в классе, а тренер, оглядев ее, мрачно сказал: «В баскетбол не отпущу!»), крепкая (ситуация-то была шутейная, ну – дурацкий спор вышел... но Оля и сама не заметила, как уронила двух одноклассников – и те, сидя на полу, испуганно смотрели на нее и боялись встать) девушка (именно девушка, выходя из душа, Оля бросала на себя взгляд в зеркало – и улыбалась, потому что знала – никакой дурачок, чьего имени она и знать не хочет, при виде нее не зажмурится).

А третье, что было в жизни Оли главным, только должно было случиться. Засунув руки в карманы (был мороз, а перчатки надевать не хотелось), Оля шла мимо Олимпийского стадиона, за которым высились недостроенные минареты главной городской мечети, мимо небольшой православной церкви. Был ранний вечер, фонари горели всюю, но народу на улицах было немного, несмотря на центр города. Отвыкла Москва от настоящих русских морозов, всего-то минус пятнадцать – а все разбегаются по домам или прячутся в машины...

Вот сейчас через улочку, в подземный переход, на другую сторону проспекта Мира. Там по переулку, где грохочут на путях трамваи, в высотный жилой дом с массивным стилобатом (три года запойного чтения книг не прошли даром, оставив в голове у Оли массу случайных слов и знаний). В этом доме жил мерзавец Соколов. Красавчик Соколов. Ее и только ее Олежка Соколов!

Они встречались уже полгода, но этого никто не знал. Ни в школе, ни в спортивной секции. И мама с бабушкой тоже не знали.

Как-то уж слишком долго Оля Ялова и Олег Соколов враждовали.

Но теперь... нет, не теперь... завтра Оля ничего скрывать уже не собиралась. Завтра они придут с Олегом в школу вместе.

Потому что сегодня она останется у него ночевать. Родители Олега в отъезде. Бабушка и мама уверены, что Оля после тренировки останется у подруги.

А она останется у Олега.

Они уже все решили. Раньше они только целовались... ну... в общем, тот вечер на последнем ряду в кино не считается, хоть Олег и дал волю рукам...

Теперь все будет серьезно. Им уже по пятнадцать лет, кому сказать, что еще не занимался сексом, – позор! Засмеют! Допустим, девчонки из команды не занимались, но у них просто времени и сил нет. А в школе сейчас столько занятий... Но вообще-то в пятнадцать лет девственников и девственниц практически нет.

Это Оля знала точно, потому что прочитала об этом в Интернете, а три года запойного чтения дают не только лишние знания, но и излишнюю веру в печатное слово.

Где-то в глубине души (которая сейчас, вероятно, пряталась в животе) у Оли бился маленький холодный страх. И даже сомнение.

Олежка ей нравился. И целоваться с ним было здорово. И обниматься. И... и хотелось большего. Она прекрасно знала, как все бывает... как должно быть... ну, Интернет же...

И в общем-то Оле этого хотелось.

Она только не могла понять – сейчас или потом? С Олегом или с кем-то другим?

Но она уже пообещала прийти. А Оля Ялова не любила нарушать свои обещания.

...Переулок встретил ее холодным ветром, дующим со стороны трех вокзалов, и неожиданной тьмой. Неожиданной, потому что горели фонари, светились окна жилых домов, вывески магазинов. Но их свет почему-то не разгонял тьму – крошечные огоньки зависли в ночи, яркие, но беспомощные, будто далекие звезды в небе.

Оля даже остановилась на миг. Оглянулась.

Ну что за чушь? Ей идти – три минуты. А если бежать – то одну. И у нее рост метр семьдесят пять, а мышцы – получше, чем у многих парней. Она в центре Москвы, времени – семь часов вечера, вокруг полно людей, возвращающихся домой.

Чего она боится?

Да она просто к Олегу идти боится!

Она не хозяйка своего слова. Наобещала – и испугалась, как маленькая девочка. А она взрослая женщина... почти уже взрослая... почти уже женщина...

Оля поправила вязаную шапочку с помпоном, перекинула через плечо поудобнее спортивную сумку (полотенце, чистые трусики и пачка женских прокладок – Оля подозревала, что завтра они ей понадобятся) и ускорила шаг.

...Младший лейтенант полиции Дмитрий Пастухов был не на службе. Он был даже не в форме, когда, подняв руку, ловил такси на углу Протопоповского и Астраханского переулков. Причины, почему в этот час Дима Пастухов был здесь, могли бы расстроить его жену, поэтому мы не будем вдаваться в детали. В защиту Димы можно сказать только то, что в руке у него был пакет, в котором лежала коробка конфет «Рафаэлло» и букет цветов из торгового автомата, купленные рядом, в дешевом супермаркете «Билла».

Цветы и конфеты Дима дарил жене не часто, раз-два в год. Что в данном случае, как ни странно, служит извиняющим фактором.

– Какие пятьсот? – темпераментно торговался Дима. – Да триста – красная цена!

– Ты на бензин цены знаешь? – так же темпераментно отвечал водитель-южанин из-за руля потрепанного «форда». Несмотря на очень нерусскую внешность, речь у него была чистой и интеллигентной. – Вызови официальное такси – никто дешевле не повезет!

– Я потому и ловлю частника, – пояснил Дима. Вообще-то он был морально готов на пятьсот рублей – ехать было не близко, но привычка требовала поторговаться.

– Четыреста, – решил южанин.

– А поехали, – сказал Дима и, перед тем как нырнуть в машину, окинул взглядом улицу. Просто так.

Девочка стояла шагах в пяти. Покачиваясь и глядя на Диму.

Вообще-то девчонка была высокой, фигуристой, в полумраке сошла бы и за взрослую женщину, но сейчас свет фонаря падал ей прямо на лицо – а лицо было совсем детским.

Девочка была без шапки, волосы растрепаны. Из глаз у нее катились слезы. Шея была окровавлена. Нейлоновая горнолыжная курточка была чистой, а вот на светло-голубых джинсах тоже проступали потеки крови.

Пастухов бросил пакет и букет на сиденье и кинулся к девочке. За спиной у него затейливо выматерился водитель, тоже увидавший девчонку.

– Что с тобой? – закричал Пастухов, хватая девочку за плечи. – Ты как? Где он?

Почему-то он не сомневался, что девочка сейчас покажет «где он», и он догонит этого козла, и задержит, и в процессе задержания, если повезет, что-нибудь ему сломает или отобьет.

Но девочка тихо спросила:

– Вы полицейский, да?

Пастухов, который толком не осознавал отсутствие на нем формы, кивнул:

– Да. Да, конечно! Где он?

– Увезите меня, мне холодно, – жалобно попросила девочка. – Увезите меня, пожалуйста.

Насильника рядом не было. Водитель выбрался из-за руля, достав откуда-то бейсбольную биту (как известно, в России почти никто не играет в бейсбол, но вот бит продается сопоставимо с США). Идущая по Астраханскому семейная парочка увидела девочку, Пастухова, водителя – и юркнула в супермаркет. А вот двигавшийся по Протопоповскому пацан с ранцем, напротив, – остановился и издал восхищенный возглас – так радостно, что Пастухов подумал о воспетой в Библии пользе телесных наказаний для воспитания детей.

– Тебе нельзя сейчас покидать место происшествия... – начал было Пастухов.

И осекся.

Он увидел, откуда текла кровь.

Два крошечных отверстия на шее девочки.

Два следа от укусов.

– Пошли, – решил он и потащил девочку к машине. Та не сопротивлялась, будто, приняв решение довериться ему, вовсе перестала о чем-то думать.

– Эй, в милицию ее надо... – сказал водитель. – Или в больницу... Эй, тут же Склиф рядом, сейчас...

– Я сам полиция! – Пастухов одной рукой достал из кармана «корочку» и сунул водителю под нос. – Никакого Склифа. Гони на Сокол.

– Зачем на Сокол? – поразился водитель.

– Там офис Ночного Дозора, – сказал Пастухов, укладывая девочку на сиденье и подсовывая ей под голову ее же сумку. Ноги девочки он положил себе на колени. С высоких «зимних» кроссовок закапал грязный тающий снег. А вот шея не кровоточила. Хорошо, что слюна вампира останавливает кровь после еды.

Плохо, что вампиры не всегда останавливаются вовремя.

– Какой еще Ночной Дозор? – удивился водитель. – Я в Москве двадцать лет живу, не помню такого.

«Ты и не будешь помнить», – подумал Пастухов. Но говорить это вслух не стал. В конце концов, он и сам, когда доводилось заходить к Иным, не был до конца уверен, что ему оставят память.

Лучше не зарекаться.

– Ты быстро вези, – посоветовал он. – Я штуку заплачу.

Водитель красочно объяснил, куда Пастухов должен будет поместить свою тысячу, и прибавил газа.

Девочка лежала, закрыв глаза. То ли впала в забытие, то ли была в шоке. Пастухов искоса глянул на водителя – тот не отрывал глаз от дороги. Тогда, чувствуя себя насильником и извращенцем, Пастухов осторожно раздвинул девочке ноги.

Джинсы в промежности были чистые, не испачканные. По крайней мере ее никто не насиловал.

Хотя, если уж говорить начистоту, с точки зрения Пастухова – сексуальное насилие было бы куда меньшим злом. Привычным.

Глава 1

– Ты засиделся, – сказал Гесер.

– Где? – заинтересовался я.

– Не «где», а «на чем», – не отрывая взгляда от бумаг, сказал шеф. – На заднице.

Раз уж шеф начал грубить без повода – то он чем-то очень сильно озадачен. Не разозлен – тогда он предельно вежлив. Не испуган – тогда он печален и лиричен. А именно озадачен.

– Что случилось, Борис Игнатьевич? – спросил я.

– Антон Городецкий, – продолжил шеф, не поднимая глаз. – Десять лет в отделе обучения и образования – многовато, не находишь?

Я задумался.

Что-то мне этот разговор напоминал. Но что?

– Есть претензии? – спросил я. – Работаю вроде хорошо... от оперативной работы тоже не уклоняюсь...

– А также периодически спасаешь мир, воспитываешь дочь – Абсолютную волшебницу – и ладишь с женой – Великой волшебницей... – кисло сказал шеф.

– Еще терплю шефа – Великого, – в тон ответил я.

Гесер соизволил поднять глаза. Кивнул.

– Да. Терпишь. И будешь терпеть. Итак, Антон Городецкий. В городе орудуют незарегистрированные вампиры. За неделю – семь нападений.

– Ого, – сказал я. – Каждый день жрут, мрази... А что наши оперативники?

Гесер меня будто и не слушал. Перебирал бумаги.

– Первая жертва... Александр Погорельский. Двадцать три года. Продавец в бутике... не женат... бла-бла-бла... напали средь белого дня в районе Таганки. Вторая жертва – на следующий день. Николай Рё. Сорок семь лет. Инженер. Район Преображения. Третья – Татьяна Ильина. Девятнадцать лет. Студентка МГУ. Район Чертаново. Четвертая – Оксана Шемякина, пятьдесят два года. Уборщица. Район Митино. Пятая – Нина Лисицына, школьница, десять лет...

– Вот мразь... – вырвалось у меня.

– Средь бела дня, район Матвеевский.

– На женщин перешел, – сказал я. – Распробовал. Теперь стал с возрастом экспериментировать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.